

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ

С.Н. ГАВРОВ

***СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ
И МОДЕРНИЗАЦИЯ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА***

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ КУЛЬТУРЫ И
ИСКУССТВ
MOSCOW STATE UNIVERSITY OF CULTURE AND ARTS

С.Н. ГАВРОВ
S.N. Gavrov

**СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ
И МОДЕРНИЗАЦИЯ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА**

Sotsiokulturnye tradition
and modernization
of the Russian society

МОНОГРАФИЯ
MONOGRAPH

Москва 2002
Moscow 2002

ББК 71 Рекомендовано к изданию Редакционно-издательским советом
Г 12 Московского государственного университета культуры и
искусств

Рецензенты:

А.С. Мигунов, доктор философских наук, профессор

А.Я. Флиер, доктор философских наук, профессор

Гавров С.Н. Социокультурная традиция и модернизация российского общества. М.: МГУКИ, 2002. 146 с.

S.N. Gavrov Sotsiokulturnye tradition and modernization of the Russian society

В монографии рассматриваются этнические формы самоидентификации и специфика архаических и доиндустриальных обществ, теоретические аспекты национальной культуры и межкультурного взаимодействия, процессы и перспективы российской модернизации. Монография предназначена для студентов, соискателей, аспирантов, докторантов и преподавателей вузов культуры и искусств, других вузов гуманитарного профиля, а также для всех, кто интересуется рассматриваемой проблематикой.

Of contents the ethnic forms of samoidentifikacii and specific of archaic and doindustrial'nykh societies, theoretical aspects of national culture and mezhkul'turnogo co-operation, processes and prospects of Russian modernization are examined in a monograph.

A monograph is intended for students, competitors, graduate students, doktorantov and teachers of institutes of higher of culture and arts, other institutes of higher of humanitarian type, and also for all, who is interested in examined problematikoy.

Sergey Nazipovich **Gavrov** The professor, dr. of sc. /philosophy/, leading research worker, Sector of sociocultural processes and systems of the Russian institute for culturology, RF Ministry of Culture /Moscow. E-mail Gavrov.07@mail.ru
Russian Institute for Cultural Research.

Russia 119072 Moscow, Bersenevskaya nab. 18-20-22 unit 3.

Phone: +7 (495) 959-09-08 Fax: +7 (495) 959-13-98

© С.Н.Гавров, 2002.

ISBN 5-94778-020-8

ISBN 9785947780208

Введение

Современное состояние культуры определяется ускорением исторической динамики, глобальным продуцированием референтных культурных образов, норм социальной престижности, актуализацией процесса групповой и личностной самоидентификации.

Возрастание социокультурной динамики и появление новых форм и способов бытия человека в культурном пространстве происходят в контексте перехода к обществу позднего модерна, интенсификации процессов социальной и географической мобильности. В то же время, несмотря на некоторую тенденцию унификации культуры, наблюдается многообразие культурного оформления мира. Идеи плюрализма, многообразия культур, актуализированные современной наукой, в свою очередь, оказали влияние на межкультурное взаимодействие и контакты, в которых обе стороны культурного взаимодействия стали признаваться равноправными независимо от их продвижения по линейной шкале прогресса.

Большой интерес вызывают пути развития национальных культур в условиях модернизации. Актуальным представляется соотнесения модернизационных процессов с национальной культурной традицией, ценностями, идентификациями.

Необходимость теоретического осмысления проблемы российской модернизации во многом обусловлена все более высокими темпами исторической и социокультурной динамики. Взрывное ускорение перемен, вызывающее шок столкновение с новыми реалиями, ценностями и моделями поведения изменяют смысловую непрерывность жизненного мира, требуя от нас творческой интерпретации повседневности.

Мы видим не только новые проблемы, но и новые возможности, вошедшие в нашу жизнь вместе с модернизационными вызовами начала нового тысячелетия.

Позитивный рост свобод, открытости социокультурной сферы, возможности более свободной социализации и инкультурации личности, интериоризации новых ценностей, образа жизни, моделей поведения дополняется трудностями, связанными с уменьшением социальной и личной безопасности, социальной дифференциацией общества, с коррупцией и преступностью, с конфликтами между обществом и личностью.

Для российского общества в течение последних десяти лет характерны радикальное усиление неравенства, изменения в стратификации, восходящая и нисходящая личностная и групповая мобильность, формирование среднего класса.

Годы реформ со всей определенностью показали, что для позитивной адаптации к рыночной социокультурной системе требуется высокое качество человеческого капитала, личность, склонная к инноватике, творческой интерпретации в выработке адаптационных моделей поведения, акцентирующая индивидуальные способы достижения успеха. В последние несколько лет стала проявляться и определенная корреляция уровня доходов с уровнем образования, прежде всего высшего. Это во многом связано как с приходом на российский рынок транснациональных корпораций, так и с постепенной передачей управленческих позиций от собственников промышленных, добывающих предприятий, торговых фирм к менеджерам, специалистам, то есть лицам наемного труда. Этот процесс особенно ускорился после кризиса 1998 года.

В повседневную жизнь россиян входят новые ценности, целевые установки, утверждаются новые жизненные практики и модели поведения.

Уровень экономического развития, темпы экономического роста в России во многом оказывают решающее влияние на становление политической демократии, формирование сильного среднего класса, толерантности в отношении различных вероисповеданий, приоритета личности.

Все мы являемся свидетелями исторического перехода от универсалистской, имперской социокультурной системы к национальной. Болезненность этого процесса, связанного, в частности, с потерей статуса сверхдержавы, достаточно очевидна.

В практическом плане модернизация российской социокультурной системы предполагает, прежде всего, полномасштабные изменения в институциональной сфере.

Ценностная система российского общества также переживает серьезную трансформацию. Процесс этот плавный, поскольку векторная динамика ценностной системы была характерна для последних советских десятилетий. В недрах советского протосреднего класса формировалась система ценностей, в определенной степени отличающаяся от официальной. Эта частичная ценностная переориентация во многом способствовала постсоветской адаптации к взрывной динамике социокультурной системы той его части, которой удалось наиболее далеко продвинуться в переоценке ценностей. Адаптационные возможности личности прямо зависят от ее ресурсов, культурного, экономического, социального и символического капитала, который включает в себя репутацию и престиж. В нашей жизни возросла роль материальных ценностей: денег и богатства, уменьшилось значение ценностей нематериальных.

Мы рассматриваем модернизационные процессы как направленные изменения институциональной сферы культуры, социальной, политической и экономической систем, как изменение ценностей и идеологии.

Важнейшей задачей, которую необходимо решить в процессе модернизационного перехода к новой российской социокультурной системе, является массовый переход к внутреннему локусу контроля, т. е. самоконтролю личности, ее способности принимать решения и нести за них всю полноту ответственности, в отличие от внешнего контроля, характерного для традиционного общества. Самоконтроль, готовность ввести свое поведение в рациональные, законные рамки – необходимое условие функционирования гражданского общества. Формирование внутреннего локуса контроля является, по-видимому, главной задачей современного российского воспитания и образования. Решение этой задачи позволит во многом снизить интенсивность различных форм девиантного поведения.

В постсоветский период Россия, ее социокультурная сфера имеет реальный шанс на позитивное завершение модернизации, предполагающее, прежде всего, определенную синхронизацию исторической и социокультурной динамики с единой Европой, западной цивилизацией в целом.

ГЛАВА 1. ОТ ЭТНОСА К НАЦИИ

Общество представляет собой многоуровневый феномен, изменяющийся в процессе исторической динамики. Наиболее ранние по времени общества архаического и доиндустриального типа социальности и

культурной регуляции принято называть традиционными, так как именно в них наблюдается тотальное расширение сферы традиции как коллективной памяти.

Традиционное общество может быть определено как преимущественно сельскохозяйственное, отличающееся строгой стратификацией и иерархизацией всех форм общественной жизни с преобладанием аскриптивных, описательных мотиваций, поскольку индивид оценивается как часть коллективов и групп, и лишь затем как личность. Традиционная культура неоднородна по своему составу, т. е. включает в себя ряд субкультур, которые различаются по социально-профессиональным параметрам. Отличительными чертами традиционного общества являются коллективность мышления и практики, строгое следование традициям, при котором инновации имеют предел действия и не способствуют ускорению социокультурной динамики. В традиционном обществе ценности доминируют в отношении рационального знания, имеют выраженный авторитарный характер, что связано с господством религии и обрядово-ритуальной практики, социальное и культурное тесно переплетены¹.

Традиционное общество - это общество «первой волны», т.е. общество сельскохозяйственной революции, перехода от охоты и собирательства к земледелию. Оно отличается использованием возобновляемых источников энергии (мускульная энергия человека и животных), преобладанием натурального хозяйства и неразвитостью рынка, патриархальной семьей, состоящей из нескольких поколений проживающих вместе родственников, низким уровнем образования. Традиционное общество характеризуется локальностью, жизненные интересы большинства людей замыкаются

---

¹ Huntington S. The change to change // Corporative politics in the post-behavioral era / Ed. By A.Cantory and A.Ziegler. Boulder, Colorado, 1988. P.358.

рамками местной общины, преобладает производство товаров по предварительному заказу, как правило, отсутствует отложенный спрос, производство ради будущего. Для традиционного общества характерна неразделенность производителя и потребителя, господствует натуральное хозяйство. Традиционное общество является обществом циклического типа, где вся жизнь подчинена циклическим формам существования, включающим сезон охоты, рыбной ловли, посевную, сбор урожая. Оно уже выработало минимально необходимые навыки для обеспечения жизнедеятельности социума, и вся задача состоит в их воспроизведении, так как они доказали свою полезность и эффективность. Отсюда преобладание стереотипов над новациями, господство мировоззренческих ценностей над инструментальными.

Отечественный исследователь В.Г. Федотова² характеризует традиционное общество как общество, в котором традиция господствует над инновацией. Организация социальной жизни зависит в нем от религиозных и мифологических представлений, развитие носит циклический характер. Власть в традиционном обществе носит авторитарный характер, материальное производство нацелено на сиюминутное, сегодняшнее потребление. Складывается особый психический склад личности – недеятельная личность; прослеживается ориентация на мировоззренческое знание, а не на точные науки и технологии. Общество носит преиндустриальный характер; отсутствует массовое образование; развитие имеет локальный характер; складываются деревенские формы жизни; социальная структура аморфна; отмечается этническая форма самоидентификации. Этносы по своей типологии выделяются:

а) этносы как основные социокультурные общности;

---

² Федотова В.Г. Модернизация «другой» Европы. М., 1997. С.73-75.

б) этнические меньшинства в качестве наименьших составных частей этнического подразделения;

в) макроэтнические, или метаэтнические общности, объединяющие несколько этносов (например, славяне).

Первые этнические группы появляются уже в эпоху верхнего палеолита в форме племенных объединений на основе кровнородственных связей. Впоследствии складываются культурно-языковые общности. В традиционном обществе этническая самоидентификация была тесно связана с представлением об общем происхождении от одного предка-тотема в зооморфном или антропоморфном образе, генеалогическим связям придавалось первостепенное значение. Этнос рассматривал свое происхождение от одного корня, от почитаемого этноарха. Так, эллины вели свое происхождение от Эллина, чехи от Чеха. В то же время у многих народов существуют обычаи принятия в свою среду иноплеменников, поэтому этнос несводим к объективной данности, характеризующейся ментальными характеристиками. При этом реакция этноса на внешний мир отличается определенной однородностью, что приводит к высокому уровню этнической субъективности.

На раннем этапе своего развития этническая общность объединяла индивидов в сообщества, такие, как род и племя. Этнические группы были закрытыми системами, их элементы были однородны, а различные системы не были связаны друг с другом. Община складывалась из нескольких родовых групп, которые могли расходиться во взглядах и отделяться друг от друга, вступая в союзы с другими группами. Здесь присутствовали элементы политической централизации, но государство еще не сформировалось.

Метафизическая сущность рода, племени складывалась из осознания того, что им принадлежит земля предков. Кровнородственная связь и

племенная организация в процессе исторического развития общества уступали место территориальной. Общая территория проживания связывала членов этноса, делала их взаимозависимыми друг от друга, скрепляла общими верованиями, обычаями, обрядами, определенным образом жизни и т.п., которые складывались в этническую культуру. Общность территории, языка, социальной коммуникации дополнялась политическим единством и общностью приемов ведения хозяйства, хотя необходимо отметить, что общность языка и культурных традиций еще не означает популяционного родства данных народов (например, тюркских). В то же время черты любого этноса подвергаются серьезным эволюционным изменениям в течение длительных исторических периодов.

Культура любого этноса может рассматриваться как симбиоз доминирующих культурных тем. Они имеют общечеловеческий характер, т.е. общее содержание, но различное решение на уровне формы. Различные варианты культурных доминант могут быть оценены с помощью присущих данной культуре отношений человека к природе, пространству и времени, себе и соплеменникам, людям других культур (К. Клакхон, Ф. Стродбек)³.

Самобытный образ мироздания запечатлевается в культуре этноса. Особая роль отводится животному и растительному миру, который сакрализуется в верованиях человека-охотника, человека-земледедца. Встречающиеся в данной природной среде природные объекты получали сакральную интерпретацию, а впоследствии в истории культуры связывались с образом того или иного народа, его национальным характером. Следы тотемов сохранились в современной национальной символике различных народов. Наиболее известными являются: лев у англичан, петух у французов, волчица у итальянцев, римлян, медведь у русских.

---

³ Лурье С.В. Историческая этнология. М., 1997. С.80-85.

Символические изображения природных объектов в традиционном искусстве служили средством идентификации человека со своей этнической группой и выполняли функцию магического воздействия на все жизненно важные процессы и явления бытия.

Освоение мира происходило путем сакрализации космоса, освящения пространственно-временных координат бытия. Пространство и время характеризовались разной степенью сакральности и, как следствие, разной значимостью. Мир делился на обжитый, знакомый космос и хаос - пространство, населенное чужими, демонами, привидениями, злыми духами. Земля становилась своей в результате ее освящения, символического сотворения заново. Примером подобного освящения открываемых земель является, например, обязательное воздвижение креста испанскими и португальскими конкистадорами на покоренных землях⁴.

Центр и периферия мира обладают различными статусами. Центр осмысливается как приближенная к небу святая земля. Окраина мира воспринимается как территория иных людей, врагов. Быт человека традиционного общества отличается наличием многообразных топоментальных маркировок, к которым относятся священные места, реки, горы, скалы, деревья – в природе; искусственно организованные места-усыпальницы, святилища, клады, жильё и вещи.

Для этнического менталитета характерно использование символов-мотиваций, ландшафтных знаков этнической целостности, символизирующих общность народной судьбы. Для русских таким словами-мотивациями являются река Волга, Куликово поле, Бородино, Богоматерь, Андрей Первозванный⁵.

---

⁴ Элиаде М. Священное и мирское. М., 1994. С.28.

⁵ Чеснов Я.В. Лекции по исторической этнологии. М., 1998. С.77.

Обжитые этносом пространство и территория воспринимаются как порождающие жизнь: так, например, австралийские аборигены считают, что в земле находятся эмбрионы людей. По библейским представлениям, человек сотворен из праха. Древнерусское языческое представление «мать-сыра земля» широко распространено в отечественной культуре. Обозначение пространства у древних индийцев выражается через понятие, означающее начало плодородия.

Мифы актуализируют сюжет этнического распространения, переселения на другую территорию (в Юго-Восточную Азию этнические предки приходят из Индии), прихода правителей из другой земли (призвание Рюриков на Русь).

Время также не является однородным. Сакральное время – время праздника, круговое, обратимое, «вечное» время, восстанавливаемое с помощью обрядов. Это некое первичное время, освященное богами. «Возрождение» времени осуществлялось через возврат к первичному мифическому Времени путем ежегодного повторения ритуалов, воспроизводящих деяния богов. Ценности древнего человека с особой силой раскрывались в праздничном торжестве вместе с осознанием и собственного существования как «святого». Мифический предок воспринимается как родоначальник данного этноса.

Культура этноса наряду с отношением народа к природе, времени и пространству характеризуется и такой культурной доминантой, как представление о своем этносе. Эти представления находят свое выражение в интрообразе, т. е. коллективном восприятии своего этноса, а также других этносов, которое выражено в экстраобразах. Этнос объединен не только общей территорией, языком, но и определенным типом самоидентификации, проявляющейся в самосознании членов этноса, запечатлевающей общность

исторического происхождения и исторической судьбы. Образ собственного этноса, как правило, рассматривается как референтный, т. е. лучший. В этническом самосознании формируется позиция противостояния чужим этносам. Для каждого этноса характерна оригинальная модель мира как конструктивное, формообразующее начало, в котором воплощена ментальность этноса. Территория, язык и его лексический запас, элементы материальной и духовной культуры могут меняться, эволюционировать, но скрепляющим ядром этноса остается его самосознание и его выражение в самоназвании.

Образы своего и иных этносов носят динамичный характер, изменяясь вместе с жизнью народа. Представления о типичном индивиде, зафиксированные в сознании народа, называются этническим образом. Его отличительными свойствами являются эмоциональная окрашенность, чувственная конкретность, способность воздействовать на повседневное поведение людей. Этнический образ персонифицирует народ. Общеизвестны такие этнические образы, как «педантичный немец», «гордый испанец», «легкомысленный француз», «чопорный англичанин».

Интрообраз, т. е. образ своего этноса, актуализируется в этническом сознании в процессе отношений с иными народами. Эти отношения проявляются в различных формах - от равнодушия и отсутствия этнических границ, характерных для австралийских аборигенов, до проведения резких границ и противопоставления себя другим в меланезийских обществах.

Противопоставление своего этноса другим является не только организующим и интегрирующим этническим фактором, но и причиной конфликтов и войн между народами. Тем не менее, уже на самых ранних этапах развития этнических групп происходит взаимовлияние и культурный

обмен между этносами, хотя стремление к сохранению самоидентификации и этнических особенностей доминирует.

Этнические процессы усиливаются в эпоху разложения первобытного родоплеменного типа социальной организации и перехода к ее раннеклассовому типу.

Процессы этногенеза включают в себя формирование этнической общности, единой этнической культурной системы, что проявляется в языке, общности религии и мифологии, обычаях, нравах, моделях поведения и жизнеобеспечения. Под этнической культурой в отечественной этнографии принято понимать совокупность культурных элементов и структур, которые обладают этнической спецификой. Этническая культура в традиционном обществе носит коллективный, традиционный, локальный, анонимный и изоляционистский характер. Для нее характерен культурный синкретизм, тесная связь всей жизни коллектива с ритуально-мифологическим комплексом, социальных отношений с природными.

Этносу имманентно присущи выработанные в течение многовековой истории специфичные формы симбиоза с природной средой. Это особые виды самообеспечения, охота на обитающих в данной природной среде зверей и птиц, разведение различных животных, оленеводство в тундре, охота на морского зверя. Выживание этноса в значительной степени зависит от сохранения данного адаптационного механизма.

Системообразующими признаками этноса являются: географическая, природная, среда, социальные факторы, социобиологические характеристики, в том числе антропологический тип. К ним относятся также хозяйственные связи, общность культуры, языка, верований, обычаев, этнического самосознания. Этнос является антропоценозной общностью с разделяемой

всеми членами идентичностью, общими духовными и материальными ценностями.

Для этноса характерна сильная связь с мифологическим прошлым, его мышление носит художественно-образный характер, в нем преобладают зооморфные образы. Почитаются животные, с которыми связывается человеческое благополучие, значимыми оказываются ассоциируемые с ними предметы, которые получают магическую интерпретацию. В ходе исторической динамики все большее значение приобретают социокультурные и политические факторы, усиливается урбанизационные процессы, миграция населения. Взаимодействие социального и этнического приобретает все более сложный характер при ведущей роли социальных факторов.

Следует отметить, что культура любого этноса содержит черты, общие для всех народов, всего человечества, так называемые «антропологические универсалии», в которых выражаются общечеловеческие ценности и уникальные, этноспецифические культурные черты, присущие данному этносу. Общие культурные черты у разных народов свидетельствуют об их близости и межкультурном взаимодействии.

Различные компоненты культуры, в частности язык и религию, следует отнести к этноспецифическим элементам культуры. Язык представляет собой компонент культуры с выраженными коммуникативными функциями.

Роль интегративного культурного механизма играет и сигнификативная система данного этноса (герб, гимн, флаг, ритуалы), выражаемая в знаках и символах как специфических средствах, которые позволяют воплотить представления людей в интерсубъективной форме. И коммуникативные, и сигнификативные механизмы культуры определяют как этническую интеграцию, так и этническую дифференциацию. В отличие от языка, сигнификативная система определенной этнической культуры не является

«жесткой» целостностью: зачастую невозможно идентифицировать этнос по каким-то отдельным символам, по отдельным элементам сигнификативной системы. Символический уровень культуры особенно явно выражен в таком феномене культуры, как религия, выполняющая функцию этнического индикатора. Символическая система культуры не несет такой большой этнической нагрузки, как язык. Символам «приписывается» этнический характер, этнос считает своим определенным символический ряд, хотя какие-то его элементы могут встречаться и в культуре других этносов. В то же самое время возрождение этнической и национальной идентичности всегда сопровождается обращением к традиционным и порой на какое-то время забытым культурным символам. Так, например, произошло с символами дореволюционной России - трехцветным знаменем, сине-белым флагом Св. Андрея, двуглавым орлом, храмом Христа Спасителя.

Среди основного блока интегративных культурных механизмов следует назвать инструментальный, связанный с технологиями по созданию и преобразованию материальной среды, и нормативный, который регулирует общественную жизнь, организует ее. Нормы обеспечивают действенное регулирование отношений между людьми, обеспечивают стандартность и общепринятость поведения. На основе нормативного регулирования выделяются правовая и моральная подсистемы культуры, которые действуют в различных сферах, например, таких, как трудовая деятельность, быт, семья, политика, внутригрупповые отношения и т.п.

Особую роль в культуре этноса играют этнические традиции, выступающие механизмом сохранения, передачи культурных ценностей, смыслов, символики, самой идентичности данного общества. Культурные традиции присущи различным типам социальных и культурных систем, они

аккумулируют, транслируют и трансформируют накопленный социальный опыт.

В этнической культуре выделяют два генетически разновременных пласта: один относится к исторически раннему периоду, а другой - к более позднему времени. В этом напластовании находятся современные компоненты культуры: «...при генетическом подходе к строению культуры она выступает прежде всего как сочетание преемственности и обновления ее компонентов. Причем последнее может быть как экзогенным, т.е. заимствованным, так и эндогенным, т.е. возникшим в данной этнокультурной среде без влияния извне»⁶.

Остановимся подробнее на взаимодействии традиции и инновации в рамках культуры традиционного общества, поскольку традиции - это механизм самосохранения, воспроизводства и регенерации этнической культуры как системы. В бытовании коллективного опыта «выделяются стадии аккумуляции (накопление, обобщение и стереотипизация), пространственно-временная трансляция и актуализация»⁷. Культурные традиции и их изменения, происходящие с разной скоростью в разных культурах и социумах, особенно наглядно показывают динамический характер культуры. Как модернизированные, так и модернизирующиеся общества «захлестнуты» потоками инноваций, вызывающими серьезные социокультурные изменения, что приводит к определенному напряжению этих систем.

«Сглаживающую», стабилизирующую функцию в процессе принятия или непринятия новаций играют стереотипы. Стереотип поведения, находясь на грани сознательного и бессознательного в человеческой психике, играет

---

⁶ Морфология культуры. Структура и динамика. М., 1994. С.352.

⁷ Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука (логико-методологический анализ). М., 1983. С.127.

важную роль в создании такого типа личности, который более всего отвечает потребностям культуры эпохи. Усвоение и выработка стереотипов поведения происходит как путем подражания, так и в результате обучения. Выработанные обществом стереотипы поведения выступают необходимым условием социализации личности. В каждой группе они носят свои специфические черты. Стереотипы формируют не только внешние, но и внутренние стороны человеческой деятельности. Они задают людям стандарты их убеждений, верований, предпочтений. Именно стереотипы сознания становятся основой для создания шаблонов поведения. Убеждения, верования складываются в «странные» обряды, привычки, правила поведения, которые выступают объектами для оценки со стороны других этнических групп. При контакте представителей различных этносов в первую очередь внимание уделяется иным нормам поведения. Такая схематизация помогает регуляции человеческих взаимоотношений.

Стереотипы через повторение в типовых ситуациях организуют, упорядочивают сферу этнического. При этом в процессе актуализации происходит новое, вызванное изменившимися социокультурными условиями прочтение стереотипа, что не только обновляет традицию, но и адаптирует к ней инновацию.

Традиция находится в постоянном движении, причем источник этого движения в ней самой: «динамика культурной традиции – это постоянный процесс преодоления одних видов социально организованных стереотипов и образования новых. Рассмотренный с системно-кибернетической точки зрения, он выступает в качестве стержня процесса социальной самоорганизации»⁸.

---

⁸ Маркарян Э.С. Узловые проблемы теории культурной традиции // Советская этнография. 1981. №2. С.81.

Таким образом, традиция в культуре существует в форме стереотипов. Постоянно происходит процесс их возникновения, «расцвета» и распада, исчезновения, т.е. они уступают место новым стереотипам. Процесс этот в целом универсален, но скорость его и время существования стереотипов различны.

Для культуры традиционного общества характерно замедленное течение процесса, стереотипы обладают большой устойчивостью, в том числе и при темпоральной трансляции (при смене поколений). Зачастую даже естественная смена поколений не вызывает изменения старых и возникновения новых стереотипов. Время в традиционном обществе циклично (смена времен года, сбор урожая.), т.е. стереотипы постоянно повторяются. Инновации имеют место, но лишь очень немногие из них стереотипизируются.

Конечно, традиционное общество тоже меняется. Но эти изменения не воспринимаются как изменения, поскольку процесс превращения инновации в стереотип крайне растянут во времени и поскольку новизна неприемлема мировоззренчески (что всегда было, то всегда будет). Легитимация инноваций обосновывается возвращением к «первоначальным временам», «золотому веку», т.е. к прошлому, чистоте традиций. Это, кстати, зачастую характерно и для тоталитарной культуры.

«Господство традиционной культуры в обществе означает, что заложенная в ней программа нацеливает людей на воспроизводство традиционного общества. Его лозунг: «хотим жить так, как жили наши деды». Оно закрыто, так как направлено против инноваций, превышающих некоторый статичный порог. Система отношений этого общества, в частности, государство, не только результат воспроизводства традиционных программ, но и гарант их сохранения от источников несанкционированных

инноваций. Высокая степень их неизменности гарантируется не только соответствующей культурной ориентацией на воспроизводство некоторого «абсолютного», «естественного», неизменного порядка, не только мощью исторической инерции, но и системой репрессий, возникающих вместе с культурой»⁹.

Естественно, что новации во всех сферах, в том числе в сфере культуры, подавлялись, лишь иногда используясь в сфере материальной культуры (оружейное дело), либо не осознавались как инновации. Скорость общественного развития в таких крайних выражениях традиционного общества кажется вообще ничтожной.

Традиция не является автоматическим, иррациональным следованием стереотипам. Для представителя культуры доиндустриального типа следование традиции означает следование порядку и имеет глубокий онтологический и космологический смысл. Следование определенным обычаям в народной культуре является тем стержнем, вокруг которого формируется жизнь человека, при игнорировании традиций нарушаются баланс в его отношении с миром, мера, гармония. «Традиция «как броня» прикрывала индивида, освобождая его от многочисленных ситуаций личного выбора и ответственности за него. В отсутствие (или при ослабленной) традиции человеку требуется уже иной уровень ощущения своей личной ценности и самодостаточности, чтобы самому сделать все необходимые выборы»¹⁰.

---

⁹ А.С. Ахиезер. Как "открыть" закрытое общество. М.: Магистр, 1997. С. 15.

¹⁰ Флиер А.Я. Культурология для культурологов: Учебное пособие для магистрантов и аспирантов, докторантов и соискателей, а также преподавателей культурологии. М.: Академический Проект, 2000. С. 117.

Традиция представляет собой источник значимостей, это не автоматическая стереотипизация, а определенное поле смыслов для деятельности человека.

То, что для представителя иной культуры выглядит алогичным, не имеющим смысла, имеет совершенно определенное, часто сакральное, значение для человека данной культуры, рационально и обусловлено. Традиция – механизм преемственности, а не механически косное следование привычкам. Традиции играют решающую роль в сохранении и передаче от поколения к поколению этнических ценностей и культурного наследия, имеют выраженный этнический характер.

Социокультурная традиция творчески интерпретируется каждым последующим поколением, актуализируясь в процессе индивидуальной социализации и инкультурации личности. В периоды относительно спокойного, бескризисного существования социума, низких темпов социокультурной динамики на первый план выходит преемственность автохтонного, имманентно присущего данной культуре компонента.

В периоды интенсивного протекания модернизационного процесса, когда общество и культура в целом находятся в состоянии кризиса, к воспроизводимым автохтонным элементам добавляется более значимый пласт заимствованных, трансплантированных элементов.

В традиционном обществе роль традиций как системы сакральной регуляции ограничивается наследованием совокупности правил поведения, образцов и ценностей, которые располагаются в центре культурного пространства и представляют собой ядро культуры. Мифология, коды общения, языки культуры, этнические традиции и обычаи, ценностные ориентации реализуют себя в качестве ядра культуры.

Совокупность культурных традиций этноса, признанных в качестве наиболее специфичных, характеризующих с наибольшей полнотой самобытность, историческое и культурное своеобразие этноса, принято называть этническими ценностями.

В этнических ценностях воплощен исторический социальный опыт коллективной деятельности членов этноса (этнофоров). Некоторые ценности и традиции выделяются в качестве особенно значимых и составляют маркирующие черты этнокультурной самобытности и идентичности, они формируются уже на доклассовой ступени развития общества - это мифология, народная художественная культура, особенности религиозности, бытовые обычаи, формы жизнеобеспечения и т.п.

В процессе исторического развития директивная информация распространяется из ядра культуры на периферию, но информация, поступающая в традиционное общество от других культур, или отторгается, или воспринимается с большим трудом.

Если в пространстве культурной периферии происходят негативные изменения, например, вторжение чужой культуры, то включаются защитные механизмы культурного ядра, и традиции проявляются в императивном порядке даже и в периферийных, казалось бы, легко управляемых культурных полях.

Культурная традиция этноса задает параметры дистанции между разными культурами, ценностные ориентации и отношения к чужой модели бытия, устанавливает правила общения и взаимодействия с другими народами и культурами.

Традиция устанавливает целостность группового, в данном случае этнического, единства, сплачивает и унифицирует модели поведения. Культурную традицию составляют функционально наиболее эффективные и

одобряемые данной этнической группой формы и средства удовлетворения своих интересов и потребностей, которые повышают социальную интегрированность. Для понимания специфики этнической культуры принципиальное значение имеет интерпретация различных элементов культуры представителями данного этноса с точки зрения ценности этого явления. Считают ли они данное культурное явление особенно важным и неизменным либо второстепенным и вполне модифицируемым – в этом и проявляется различие между народами. Поэтому так важен фактографический, этнографический материал, содержательно раскрывающий логику культуры данного этноса.

Традиционная культура запечатлевает этнопсихологический образ народа, определяя его этнический менталитет, который строится по своей собственной логике и ориентируется на свои принципиально значимые для данного этноса ценности, которые могут быть не столь важны для других этнических сообществ. Особенности каждой этнической культуры выражаются в различных проявлениях этноса, особенно в сфере художественного народного творчества. Взаимосвязи культурных элементов и поведенческих моделей будут индивидуальны. Чтобы понять их специфику, культуру этноса необходимо рассматривать как целостную систему. Восприятие мира каждым народом имеет ряд особенностей, порой неожиданных для исследователей. Социальные и экономические процессы также имеют дополнительный этнический компонент и протекают своеобразно у разных этносов, при этом срабатывает не индивидуальная психология, а психология групп или масс.

Базовым основанием культурных традиций этноса выступает этнический менталитет. Термин «менталитет» получил широкое распространение и употребляется обычно в смысле «мировосприятие»,

«самосознание», а также в значении основы для самоорганизации общества и каркаса для культурной традиции. В образном виде менталитет можно представить строительной конструкцией, фундамент которой – сфера «коллективного бессознательного», а крыша – уровень самосознания индивида. Структуру менталитета образуют «картина мира» и «кодекс поведения». Поле их пересечения, очевидно, и есть то, что называют парадигмой сознания¹¹.

Этнический менталитет является определенным стержнем, этническим интегратором, системой сознательных и бессознательных установок, сопряженных с этническими традициями. Понятие «этнического менталитета» используется в этнологической литературе, хотя этнологи считают его спорным, а наличие в сознании некоторых этнических неизменных форм недоказуемым. Понятия «этнический менталитет», «этнические ценности», «этническая картина мира» отражают культурную самобытность народа. Они признаются рядом исследователей в качестве конвенциональных идеологем, а не реальных характеристик этнической культуры, выявляемых эмпирически. Подобного рода факты говорят о сложности феномена «этничности», его «распыленности» в исторических, культурных, социальных реалиях.

Единая структура культуры с ее уникальной конфигурацией элементов, объединенных культурной темой, была названа антропологом Р. Бенедикт этосом культуры, который проявляется во всех социальных моделях деятельности этноса. Каждое человеческое общество когда-то совершило отбор своих культурных установлений. Каждая культура, с точки зрения других, игнорирует фундаментальное и разрабатывает несущественное. Одна

---

¹¹ Усенко О.Г. К определению понятия «менталитет» // Русская история: Проблемы менталитета. М., 1994. С.4.

культура с трудом постигает ценность денег, для другой они являются основой каждодневного поведения. В одном обществе технология невероятно слаба даже в жизненно важных сферах, в другом, столь же «примитивном», технологические достижения сложны и тонко рассчитаны на конкретные ситуации. Одно строит огромную культурную суперструктуру юности, другое – смерти, третье – загробной жизни¹².

В обществах доиндустриального типа социальности культура представляет собой ряд субкультур, в том числе народную и городскую (бюргерскую), религиозные (христианская, мусульманская, буддистская) и светски-аристократическую. В каждой из них этнические особенности получили специфическое преломление от ярко выраженного следования этническим принципам в народной культуре до их почти полного отрицания в христианской культуре (нет ни эллина, ни иудея). Вспомним средневековую Священную римскую империю, объединявшую различные этносы. Усиливается социальная поляризация, стратификация социума усложняется. Крестьянская культура становится хранителем вековых традиций этноса, именно она теснее других связана с предшествующими архаическими верованиями (язычеством), обрядами, обычаями и т.п.

Динамические свойства этноса обусловлены самим характером его исторического существования, взаимодействия с другими этническими системами. Этническое сообщество воспринимает новую для себя культурную информацию и транслирует свою, что приводит к большим или меньшим культурным изменениям. Процесс этногенеза не завершен и не локализован в древности, а продолжается до тех пор, пока существует этнос. Этносы представляют собой общности, объединяемые языком, культурными традициями и ценностями, стереотипами мировосприятия. Этнос

---

¹² Benedict R. Patterns of Culture. Boston and New York, 1934. P.36-37.

представляет собой стихийно складывающийся тип социокультурной самоидентификации и солидарности общества, культурное сообщество конфронтационного характера, формируемое в процессе адаптации человеческих групп к географической, природной среде и социальному окружению. Этнос обеспечивает необходимые условия для выживания, репродуктивного преимущества, психологически комфортного существования данной группы. Этническая общность носит мемориальный характер, характеризуясь устойчивостью социокультурной традиции, представлениями о кровнородственных связях и генеалогической линии происхождения от общего мифического предка. Этнос проживает, как правило, на общей территории. Единство происхождения манифестируется с помощью культуры. Начиная с европейского Нового времени, консолидация общества происходит уже на уровне национальной культуры.

В результате ускорения процесса исторической динамики на стадии индустриального типа социальной и культурной регуляции в Европе происходят важные перемены. Растет число городов, усиливаются процессы социальной стратификации и поляризации общества, наблюдается дифференциация культуры, новые общественные отношения способствуют экономическому подъему, наблюдается рост конкуренции за территории и рынки сбыта, увеличивается обмен информацией, формируются новые жизнеспособные нации и государства.

Связь между государством и национальным фактором формируется постепенно. В средневековой Европе распределение суверенитета происходило по иерархии сеньорно-феодальных зависимостей. В результате нарастания социализации этносов все большую структурную сложность приобретают механизмы взаимодействия этнического и социального. Меняется система приоритетов во взаимодействии этносов, все более

значительную роль начинают играть социокультурные и политические составляющие обеспечения интеграции. Это касается и институциональных форм, в том числе в политической, правовой, религиозной, образовательной сферах. Наблюдается рост миграции населения и интенсификация коммуникационных процессов. В процессе исторической динамики этнические связи трансформируются, на основе одного или нескольких этносов формируются нации. Наиболее сильная нация способна интегрировать выходцев из разных этнических групп, которые осознанно делают духовные ценности данной нации своими.

На место былой этнической разобщенности людей приходит новая система социальных и культурных взаимоотношений. Движение к современной цивилизации, становление модерности (современности) начинается с момента образования национальных культур, государственности и экономики, которые впоследствии приводят к всеобщему обмену материальными и духовными ценностями во всемирном масштабе. Природная этническая общность, характеризующаяся признаками кровного родства и совместного проживания, трансформируется в более сложную форму. Формируется новая социокультурная, историческая общность, которую нельзя сводить к чисто этнической специфике, хотя она, несомненно, связана с тем или иным этносом или группой этносов. Прежняя относительная однородность этноса, характеризующаяся традиционной, локальной, коллективной культурой, сменяется более сложными формами социокультурной стратификации общества. Формируется новая личность, характеризующаяся более широкими культурными нормами и ценностями, имеющими суперэтнический характер, что приводит ее к осознанию своей не только национальной, но и общечеловеческой принадлежности.

Самостоятельное национальное развитие является, на определенном этапе исторической динамики, признаком развитой цивилизации, которая складывается в форме национального государства.

Современное общество и миропорядок оформились после буржуазных революций в Англии, Америке и Франции. Они стали основой для модернизации общества и обеспечили возникновение принципа суверенитета национального государства, конституционной демократии, уважения к закону. Английская буржуазная революция послужила базой экономического процветания, индустриализации, урбанизации и новых капиталистических отношений. Промышленная революция в Европе сопровождалась созданием национальных государств, интеграция социума стала определяться не системой соподчиненности сеньоро-вассальных зависимостей, династическими особенностями, характерными для того или иного феодального государства, а единством нации, осознающей свою политическую, экономическую, и, прежде всего, культурную общность.

Одним из первых национальных государств, которое провозгласило принцип национального государства, была Франция. В период Великой французской революции 1789 года представители поднимающегося третьего сословия объявили себя «Национальным собранием». Слово «нация» имело значение союза, объединения близких по духу людей, единомышленников, выступивших с критикой существующего государственного строя и революционными лозунгами. Французская «Декларация прав человека и гражданина» легла в основу построения демократической республики, пришедшей на смену абсолютной монархии. В новое национальное государство вошли различные этнические общности. Французская революция стала отправным пунктом для развития нового типа цивилизации, эпохи национализма и национальных движений. Новое национальное государство

становится синонимом нации и начинает играть главную роль в политике и культуре. Складывается новое направление европейской мысли, для которого нация равнозначна государству.

Франция является примером того, как различные этносы (провансальцы, баски, бретонцы и др.) объединились в единую французскую нацию. Во многом это явилось следствием ведения совместной политической, производственной, торговой, культурной деятельности и привело к созданию нового государства. Нация в данном случае является суперэтническим образованием, которое во многом освобождает индивида от этнической, природной ограниченности и приобщает к более сложным национальным ценностям и нормам, делая более открытым другим народам.

Формирование национальной культуры с этого момента понимается как выбор своего исторического пути и специфический способ приобщения к мировым ценностям и достижениям, как вхождение в цивилизационный процесс. По сравнению с этнической культурой национальная культура обладает более развитой, многоуровневой и дифференцированной структурой. В ее состав входят не только традиционно-бытовая, но и профессиональная культура, а наряду с обыденными - специализированные области культуры. Нации представляют собой сложные общности, включающие различные социально-классовые, социально-профессиональные, социально-демографические, этнические группы, образующие соответствующие субкультуры. Поэтому национальная культура отличается неоднородностью, полиэтнической сложностью, что хорошо прослеживается в культурах «молодых наций» Нового Света - американской, бразильской, аргентинской.

Национальная культура - это целостное образование со своими специфическими механизмами саморегуляции, которые детерминируют

структурные связи между ее элементами, помогают ей при непрерывном изменении сохранить длительную историческую устойчивость, социально-историческую уникальность и самобытность. Национальная культура выступает как форма сохранения, накопления и преобразования длительного социально-исторического опыта и знаний: традиций, ценностей, норм, символов, стандартов, моделей образа жизни.

Среди механизмов, регулирующих динамику национальной культуры, особенно значима система образования и просвещения, позволяющая проводить стандартизацию и унификацию культуры с помощью внедрения научных, социальных, гуманитарных стандартов. Не менее важна и система средств массовой информации (СМИ), обращенных к нации и формирующих общественное мнение, коллективные вкусовые предпочтения, стереотипы поведения, моду, модели образа жизни, ценности, а также культурная политика, создаваемая элитой общества и связанная со стимулированием стандартов социальной адекватности и престижности¹³.

Национальная культура представляет собой сложнокомпонентный феномен, в котором «...в максимально возможной полноте синтезированы элементы деятельности и жизнедеятельности и ее субъектов: от социально-экономических и политических в их исторической многосоставности до эстетических, духовных и нравственных идеалов и ценностей, от высокоспециализированных до синкретичных культурных форм»¹⁴.

Образование современных наций и становление национальных культур в Европе проходило достаточно драматично. В течение XVIII столетия западная часть раздробленной и отсталой Германии подвергалась значительному французскому влиянию, кроме того, во время Великой

---

¹³ Флиер А.Я. Культура как основа национальной идеологии России. М., 2000. С. 39.

¹⁴ Морфология культуры. Структура и динамика. М., 1994. С. 357.

французской революции она была оккупирована и частично преобразована по французскому образцу. Для некоторой части образованных немцев - И. Винкельмана, Г. Лессинга, И. Гете - были характерны восхищение Наполеоном и преклонение перед более развитой французской культурой, антипатриотические умонастроения. Князья Западной Германии выступали против национального объединения, которое подорвало бы их независимость и экономику, так как объединяться предстояло с менее развитыми в экономическом и культурном плане землями Восточной Германии. В целом же немцы переживали чувство национальной неполноценности, которое и станет основой немецкого национализма.

Идеи немецкого национализма в целом носят весьма реакционный характер и представляют собой смесь романтической утопии с племенным коллективизмом, что при воплощении на практике выглядит как тоталитарное государство. Престиж идеи нации-государства был значительно подорван в XX веке националистическими движениями итальянских и немецких фашистов, а позднее процессами деколонизации и образованием множества многоэтнических государств. Особенно популярно понимание нации как гражданства, хотя следует отметить, что далеко не у всех наций существует собственная государственность. В современном мире насчитывается около 200 суверенных государств, а народов в значительной степени больше - от 3 до 5 тысяч, поэтому не существует этнически гомогенных государств: как правило, все они полиэтничны, многонациональны.

Данные, полученные в результате переписи населения 1989 года, свидетельствуют, что Россия является полиэтничным государством, на территории РСФСР проживало свыше 120 наций, народностей, национальных

групп, при этом русские составляли около 120 миллионов человек, что составляет, примерно, 80% от общего состава населения страны¹⁵.

Послевоенная история Западной Европы свидетельствует о стремлении европейцев к интеграции, к созданию единого экономического, политического и культурного пространства, выходу за рамки национальных границ. Представление о нации, как о полиэтнической общности, совокупности граждан, которые проживают на территории данного государства, достаточно корректно и научно. Этой модели, в целом, больше соответствует французская «реалистическая», гражданская модель нации, в отличие от романтической немецкой модели. Она отличается известным идеализмом, иррациональностью, апелляцией к «голосу крови» и некоему «духу» нации. Понимание нации как гражданства генеалогически восходит к имперской модели, когда человек получал определенные права как поданный императора, монарха, вне зависимости от своего этнического происхождения. В процессе исторической динамики наблюдается своеобразная конкуренция универсалистского и этнического понимания гражданства.

Английский историк и социолог Энтони Смит¹⁶ разделяет нации на два вида: территориальные и этнические. Территориальная, или «гражданская» нация формируется государством, которое объединяет в единое целое полиэтническое население на основе воспитания чувства солидарности, используя для достижения поставленной цели всю полноту возможностей государственных институтов. Определяющую роль в создании единой нации призвана сыграть культура, которая выполняет интегрирующую роль, являясь своеобразными скрепами полиэтнического общества. Английская, французская, испанская, шведская нации в большей мере соответствуют

---

¹⁵ Минюшев Ф.И. Социальная антропология. М, 1997. С.71.

¹⁶ Smith A.D. The Ethnic Origins of Nations. Oxford. 1986. Smith A.D. National Identity. L., 1991.

территориальной модели нации. Этническая модель нации основывается на общности происхождения языка и религии. Наличие собственного государства в рамках этой модели вариативно, на определенных этапах исторической динамики этнос может развиваться, не имея своего государства. В качестве примера можно привести многовековое рассеяние еврейского народа. Конечно, следует помнить об условном характере любой типологизации. В действительности во всех нациях можно обнаружить и «этнические» и «территориальные» элементы. К этническим нациям могут быть отнесены ряд наций Восточной Европы, немецкая и итальянская нации занимают промежуточное положение. Общая культура, историческая память, мифы, символы в большей степени характеризуют этнические нации. Известный российский этнолог В.В. Коротева отмечает, что в случае с этнической нацией ее мифы и символы достаются ей как бы в готовом виде, хотя их систематизация и распространение должны стать задачей особого слоя населения. Попытки новых государств, образовавшихся в результате деколонизации, создать нацию по западноевропейскому (то есть территориальному) образцу, потребовали, как это ни парадоксально, изобретения недостающих компонентов этнического свойства. Это, прежде всего, мифы происхождения, общая культура, историческая память, которые для первых европейских наций были сами собой разумеющимися¹⁷.

В национальной культуре синтезированы современные технологии, знания и многовековые традиции, нормы, ценности, модели образа жизни, складывающиеся на протяжении длительного социально-исторического развития национальных общностей. Гетерогенность национальной культуры обусловлена рядом факторов: в ее создании принимают участие, как правило,

---

¹⁷ Коротева В.В. Этнические символы и символическая природа этничности: концепции Дж. Армстронга, Э. Смита и Э. Хобсбаума//Ценности и символы национального самосознания в условиях изменяющегося общества. М., 1994. С. 49.

несколько этносов. Она включает в себя как специализированные и развитые области культуры, в том числе политическую, правовую, религиозную, так и обыденную культуру, в которой сохраняются реликтовые, архаические элементы - обряды, народные верования, фольклор. По сравнению с этнической культурой национальная в большей степени стандартизирована, поскольку унификация осуществляется институциональными средствами.

Среди интегрирующих факторов национальной культуры следует выделить межэтнические и общечеловеческие элементы, в том числе государственный язык, который служит средством общения различных этносов, и единую систему, которая помогает раскрыть сущность уникальной системы значений, принятой в данной национальной культуре, что позволяет сохранять культурную преемственность.

К важнейшим интегрирующим факторам национальной культуры относятся единые социальные нормы, в том числе моральные и правовые, обеспечивающие условия для консолидации общества, а также институциональные структуры. Нормы культуры регулируют жизнь данного государства, упорядочивая общественные отношения. Нормы культуры являются выражением стремления к достижению оптимальных моделей поведения, координации интересов различных этнических групп и индивидов.

Вопрос о культурной обусловленности наций активно разрабатывали конструктивисты. Нация понимается ими не как естественная данность, а как результат рукотворного созидательного процесса. Нация представляет собой социальный конструкт (social constructs), который создается искусственно с помощью символов, ритуалов, идеологий, то есть с помощью унифицированной и стандартизированной культуры. В появлении и существовании наций, по мнению Э. Хобсбаума, большую роль играет

изобретение традиций¹⁸. Появление наций на авансцене истории, по его мнению, продиктовано гибелью религиозной веры в эпоху Реформации и Просвещения, потребностью в консолидации общества по новым признакам, позволяющим связать воедино понятия власти, времени, сообщества в условиях Нового времени.

Конструктивисты рассматривают социокультурное конструирование как механизм создания национальной общности. Результатом подобных конструктивистских усилий является создание реальной функционирующей нации, определяющей коллективную идентичность. Национальные чувства подвергаются манипуляции со стороны нового национального государства и сознательно используются в политических целях. Конструктивистское направление включает в себя различные школы. Конструктивистский реализм утверждает, что в основе возникновения национального самосознания лежат объективные интересы, а коллективное самосознание обусловлено, прежде всего, культурным родством. Культурный конструктивизм утверждает, что формирование наций, национального самосознания, является функцией их общей символики и практики.

Развернутую характеристику положений культурного конструктивизма представил Дж. Комарофф. По его мнению, культуру нельзя рассматривать как закрытую систему и в силу этого упускать из виду сложную конфигурацию систем власти, престижности и представительства, характерную для большей части регионов мира. Национальные элиты формируют идеологию, символы, общественное знание и пытаются затем навязать их в качестве доминирующей культуры национального государства. Тем самым нивелируются существующие в данном политическом обществе различия.

---

¹⁸ Hobsbaum E., Ranger T. The Invention of Tradition. Cambridge, 1983.

Противоположной точки зрения придерживаются представители радикального историзма с его марксистским уклоном, объясняющие возникновение социальных форм самосознания действием длительных процессов, в ходе которых коллективное сознание возникает как продукт разделения труда и превращения материального неравенства в культурные различия¹⁹.

По мнению Б. Андерсона²⁰, общность людей, которые не связаны друг с другом и лично не знают друг друга, вследствие идеологического давления посредством произведений печати из идеальной переходит в разряд вполне реальной, когда сами люди начинают причислять себя к определенной национальности. Причины этого объединения коренятся в политике. Феномен национализма складывается первоначально в латино-американских колониальных губернаторствах, чуть позже в Европе, а затем во всем мире.

Нация является ограниченной и суверенной общностью, важную роль в ее создании играют традиции, символы, стереотипы поведения, но нации имеют и этнические корни, лишь отчасти являясь «продуктом воображения». Исторически возникают и развиваются традиции нации, праздники, формы обращения, символика, культурные атрибуты и т.п. Образ нации создается государственной идеологией, пропагандой, художественной литературой. При этом конструируется идеализированный образ нации, не соответствующие ему исторические события подлежат произвольной интерпретации, они уходят на периферию исторической памяти или вытесняются новыми мифами.

---

¹⁹ Комарофф Дж. Национальность, этничность, современность: политика самосознания в конце XX века // Этничность и власть в полиэтничных государствах. М., 1996. С. 41.

²⁰ Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London: Verso Editions, 1983.

Э. Геллнер определяет культуру нации как письменную, стандартизированную, поддерживаемую системой образования. Общность нации проявляется, прежде всего, в форме разделяемой ее членами культурной идентичности и социокультурной традиции. Вместо экономических, территориальных или психологических признаков общностей Геллнер предлагает такие их характеристики, как сопричастность и солидарность, общее наследие и добровольная идентификация, свободный выбор и разделяемое противопоставление. Образование наций связано с созданием и упорядочиванием культуры, при этом достаточно часто наблюдается не просто конкурентное отношение к другим культурам, но и элементы нетерпимости. В национальном государстве культура задается как культура национальная. Культура «изобретается», какие-то элементы ее отбираются, другие отбрасываются, в результате чего отличия и уникальные характеристики народа акцентируются, а народ сплавляется в целое. Национализм создает нации и изобретает культуры.

Культура нации играет решающую роль и в создании образа нации. Нация есть социальный конструкт, символ, который обладает неоднозначностью и творит реальность. Психологические и идеологические конструкции, составляющие национализм, оказываются эффективными средствами адаптации массового сознания. Образ нации создается национальным государством, начиная с XVIII столетия и Великой французской революции. Нация для конструктивистов есть элемент политического и символического порядка.

Э. Геллнер считает, что в гражданском обществе возникает новый тип личности - модульная личность, отличительными свойствами которой являются ее умение легко войти в любую группу и свободно выйти из нее. В сущности, в других типах общества принцип модульности не работал,

поскольку в них человек по рождению принадлежал к конкретной культуре и социальной группе, являясь носителем ее ценностей и установок, социальная мобильность личности была незначительной. Геллнер сравнивает такого человека с предметом мебели, который всегда обладает определенным стилем. Человек, принадлежащий к обществу доиндустриального типа, идентифицирует себя со своей группой и не может устанавливать органичные отношения с людьми другой культуры в той мере, в какой это присуще современному человеку.

Таким образом, для Геллнера нации являются результатом общественных движений, развивающихся в индустриальном обществе, нацию порождает национализм, понимаемый как политический принцип, требующий совпадения границ национальной общности и государства²¹.

Феномен нации не исчерпывается идеальными составляющими, он основан и на объективно существующих различиях: этнических, территориальных, исторических, культурных. Современные нации возникают на стадии формирования национальных государств. Национальные культуры, в отличие от этнических, характеризуются большей степенью стандартизованности и унифицированности, что стало возможным с появлением новых видов и способов социализации и инкультурации, закрепленных в институционализированных формах. Утверждение Хобсбаума и других модернистов о том, что нация появляется лишь в современную эпоху, вызывает возражения некоторых ученых, например Э. Смита, который считает, что определенные аналоги существовали в древности и в Средние века.

Конструктивистский подход вполне работоспособен применительно к анализу советской и российской действительности, национальной культуре.

---

²¹ Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991. С. 15.

Конструирование «социалистических наций» проходило на основе существования культурного, религиозного и локального многообразия, через институализацию (огосударствление) этничности и ее поддержку или репрессии.

В новой политической ситуации принцип многонациональности народа Российской Федерации, провозглашенный Конституцией РФ, вместо общепринятой многоэтничности может быть достаточно контрпродуктивен. Особый статус России, делегировавшей национальную доктрину в бывшие советские республики, ставит ее в затруднительное положение. Народы новых национальных образований получили статус наций, несмотря на свою полиэтничность. Россия не имеет статуса национального государства, хотя здесь в наличии общность языка и т.п., чего порой нет и в бывших республиках²².

Категория «нация» используется в различных целях, в том числе для манипуляции политическими процессами. Национальное государство с большей степенью легитимности может называться нацией, так как существует фиксация гражданства, конкретная территория размещения, бюрократические, образовательные, информационные институты. Нация консолидирует общество, вырабатывает единую систему государственных символов, создает гражданскую идентичность. Современные государства, как правило, признают себя в качестве национальных. В то же время многим из них свойственно расовое, этническое и религиозное разнообразие. Важным фактором является отношение граждан к разнообразию, гетерогенности нации, к культурным различиям, мультикультурализму. Во многом, определяющими являются экономический уровень жизни и степень развития

---

²² Тишков В.А. Забыть о нации (постнационалистическое понимание национализма) // Вопр. философии. 1998. №9.С.3.

либеральных свобод, так как при достаточно высоком уровне жизни граждане более лояльны по отношению к национальному государству, в общественном сознании этнические различия стираются. Нация получает право представлять в государственных структурах. Национальное государство осуществляет поддержку культуры, в том числе национального языка, национального образования, национальных ценностей и традиций, художественной культуры. Культура выступает в качестве механизма воспроизводства национальных целостностей. Поддержку культуры осуществляет система власти, используя возможности институтов национального государства и типового (стандартизированного) обучения. Традиционное общество не знало чувства национальной общности, так как существовало множество сословных и географических перегородок. Индустриальное общество в процессе модернизации традиционной культуры разрушает многочисленные перегородки, растет его социальная мобильность. Письменной культурой овладевает не только элита, но и люди, занятые индустриальным трудом. Интенсивно формируется общенациональный язык, на котором идет социализация всех представителей данной нации – в качестве немцев, французов²³.

Национальную культуру можно рассматривать как следствие современного индустриально-технологического развития, которое приводит к разрушению типичных для аграрной эпохи изолированных культурных анклавов. Формируется урбанизированная жизненная среда, куда стекаются большие массы народа, возникают массовые производства. Требуется унификация образа жизни и культурных навыков. Вследствие этого создаются крупные единообразные культуры, которые сначала осознают

---

²³ Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991.

свою культурную идентичность, а затем стремятся и к политической идентичности²⁴.

Каковы взаимоотношения между этнической и национальной культурами? В культурологической литературе нет однозначного ответа на этот вопрос. В частности, В.М. Межуев считает, что существует достаточно четкая граница между ними: этническая культура носит культовый, сакральный характер, однородна по своему составу, коллективна. Национальная культура носит светский, инновационный характер, являясь продуктом индивидуального творчества интеллектуальной элиты нации, а не народа²⁵: Подобное противопоставление этнической и национальной культур существует лишь в абстрактно-теоретической форме, в реальности этномаркирующие характеристики вписываются в национальную культуру. На практике нет непреодолимой границы между национальной культурой элиты и народной, фольклорной традицией. Различные субкультуры, входящие в состав данной национальной культуры, не только различаются, но и имеют определенные объединяющие черты. В качестве одного из основных источников формирования интегративных характеристик национальной культуры выступает фольклор, элементы этнической культуры. Фольклор придает профессиональному творчеству неповторимые черты, используя при этом особенности художественного мышления этноса. Национальная культура вбирает фольклорные народные традиции, но воспроизводит их уже на другом уровне – не самодеятельном, а профессиональном, не коллективном, а индивидуальном.

Национальная культура выполняет не только интегративную, но и разграничительную функцию. В рамках единой национальной культуры

---

²⁴Ерасов Б.С. Социальная культурология. Ч.2. М., 1994. С. 166.

²⁵ Межуев В.М. Классическая модель культуры: проблема культуры в философии Нового времени// Культура: теории и проблемы. М., 1995.С.40-41.

существуют значительные локальные и социальные различия, которые легко прослеживаются на примерах южных и северных регионов таких стран, как Италия, Франция, Германия, Россия. Многообразие культурных характеристик этих государств, как и многих других, обусловлены природно-географическими, историческими, экономическими различиями регионов. Территориально близкие регионы различных стран зачастую имеют общие черты культуры. Наблюдается сходство в культурах южной Франции и Италии, северной Германии и скандинавских стран. Несмотря на пространственное разнообразие культурных форм, не стоит абсолютизировать локальные различия, так как существуют и универсальные, интегрирующие компоненты национальной культуры. Среди них особую роль играет уникальная для каждой национальной культуры символическая система, поскольку символы являются символическими заместителями всей нации.

Культурные различия в рамках единой национальной культуры обусловлены социальной стратификацией общества, социальной неоднородностью и социальным разделением функций между людьми, что приводит к появлению различных субкультур со своими ценностными системами. Сама по себе национальная культура является гетерогенным явлением, в ее состав входят разные традиции и субкультуры, порой весьма отличающиеся друг от друга. Основой культурной тенденции и характеристикой субкультур может быть назван их в достаточной степени герметичный, закрытый от посторонних характер. Субкультуры представляют собой целостное образование внутри господствующей культуры.

В 50-е годы XX века Р. Редфилд выдвинул концепцию «картины мира», определив ее как видение мироздания, присущее различным народам. Это

представления членов общества о самих себе и своих действиях, своей активности в мире. Редфилд утверждал, что не существует единой общенациональной картины мира. В одной культуре существует несколько культурных традиций, в частности традиция «школ и храмов» (большая традиция), и традиция «деревенской общины» (малая традиция). Соответственно картины мира, характерные для разных культурных традиций, различны.

Г.Алмонд и С.Верба выделяют в рамках гражданской культуры субкультуры элиты и неэлиты²⁶, что в какой-то мере перекликается с выделением Р.Редфилдом культурных традиций «школ и храмов» и традиций «деревенской общины». Сторонники модели гражданской культуры признавали невозможность ценностной однородности внутри социума, причем в некоторых случаях - возможность существования субкультур, не совпадающих с господствующей политической культурой. Различия субкультур могут достигать таких масштабов, что культурные традиции, ценности, стили, обычаи и нормы одной субкультуры будут отвергаться другой субкультурой, а одним из объединяющих их элементов будет национальная принадлежность.

Социальная значимость национальной элиты определяется тем, что она выполняет важнейшую функцию по поддержанию, регулированию и воспроизводству существующего общественного порядка. Эта функция элиты не только политическая, но и в такой же мере культурная, хотя сама элита нередко является лишь ее социальным заказчиком, а исполнителем - интеллигенция²⁷. Национальные социальные элиты имеют непосредственный доступ к культурным ценностям, благам цивилизации, что и определяет их

---

²⁶ Цит. по кн. Лурье С.В. Историческая этнология. М., 1997. С. 87.

²⁷ Флиер А.Я. Культура как основа национальной идеологии. М., 2000. С. 26.

возможность формировать национальную стратегию и идеологию в своих интересах. В то же время элиты составляют часть той же самой политической системы и в некоторой степени прошли процесс социализации и инкультурации, что и остальная часть нации. То особенное, что позволяет выделять субкультуры элиты и неэлиты, проявляется в различии оценочных, когнитивных (познавательных) и эмоциональных ориентаций.

По-разному реагируют субкультуры на инокультурное воздействие. Культура элиты куда более восприимчива к воздействию иных культур, особенно в той их части, которая связана с цивилизационными удобствами, хотя усваиваются также идеология, стереотипы поведения и быта. Субкультуры неэлиты, низших классов, подвержены инокультурному влиянию в меньшей степени, здесь важна культурная традиция, стереотипы живут значительно дольше, процесс новация-инновация-стереотип замедлен. В субкультуре неэлиты преобладают автохтонные (внутренние) компоненты, она более консервативна, охранительна в отношении к ценностям национальной культуры. В этой субкультуре, собственно, и находится в интерриоризированном, т. е. в свернутом, внутреннем виде, основной комплекс представлений, характерных для данного народа, в том числе в отношении легитимации, т.е. признания законности, власти на макросоциальном уровне, культурной и социальной коллективной идентичности. Различие ценностных ориентаций, характерное для субкультур в различных сферах, в том числе в сфере национальной политической культуры, приводит к известному напряжению, антагонизму, который может перерасти в насильственные потрясения. В России эта разновекторность основных субкультур усугубляется элементами общецивилизационного раскола. И.В Кондаков отмечает, что Российская цивилизация складывалась в условиях «пограничности» между Европой и Азией, оседлостью и

кочевничеством, на перекрестке великих мировых религий Запада и Востока и архаического язычества. Эта «пограничность» чревата либо (глобальным) синтезом несоединимых крайностей ("всеединство"), либо поляризацией целого, то есть драматическим расколом, непримиримой конфронтацией и борьбой смысловых полюсов, что придает самому менталитету цивилизации устойчивое качество «смысловой неопределенности»²⁸.

Различия субкультур элиты и неэлиты в определенной степени объясняются тем, что для субкультуры элиты процесс новации-инновации-стереотипизации носит ускоренный характер. Уменьшаются временные интервалы бытования стереотипизированного опыта. Субкультура неэлиты отличается меньшей интегрированностью в процесс исторической динамики, время жизни стереотипизированного опыта весьма значительно. Это может приводить к «недопониманию» друг друга представителями разных субкультур. В каком-то смысле можно говорить о конкуренции (конflikте) между «сегодняшней» формой существования стереотипизированного опыта и «вчерашней», уже изживаемой его формой.

Новации являются «воздухом», которым дышат общества и культура государств модерности. Базовой характеристикой современности является экономоцентризм, успешность в экономической сфере предполагает не просто создание новых товаров и услуг, но и новых рынков, что дает наибольшую прибыль, генерирование и использование новаций становится жизненно важным экономическим стереотипом.

Привычная цепочка «новация-инновация-стереотип» претерпевает наибольшие изменения именно в области стереотипизации, которая теряет свою «основательность» и определенность как норма. Скорее в обществе

---

²⁸ Кондаков И.В. О механизмах повторяемости в истории русской культуры//Искусство в ситуации смены циклов: Междисциплинарные аспекты исследования художественной культуры в переходных процессах. М.: Наука, 2002.С.269-283.

модерна речь идет о гетерогенных стереотипах, отличающихся относительно малым временем существования. Гетерогенность проявляется в отсутствии единого стиля, т.е. в полистилистичности, локальности стереотипа.

Расширение границ стереотипного поведения облегчает распространение инноваций. Этому в немалой степени способствуют глобальная массовая культура, прежде всего ее визуальные компоненты и интерактивные информационные системы. Благодаря новым возможностям информационных систем, новация становится доступна (известна) множеству людей не только в рамках данного государства, но и в различных регионах мира, где есть необходимые технические возможности.

Однако не все культурные изменения можно отнести к непреднамеренным. Понятие преднамеренного, планового изменения и концепция коллективного действия дополняют образ спонтанных изменений, производимых индивидами. Тем самым движущие силы находят свое окончательное воплощение в коллективных, корпоративных субъектах действия. Преднамеренный результат их действий пересекается с распыленной повседневной активностью индивидуальных деятелей²⁹.

Э.С.Маркарян, размышляя над дихотомией «традиция-изменение», считает необходимым четко разделять понятия «новация» (новшество) и «инновация» (нововведение). Разделение данных понятий имеет ключевое значение для понимания динамики традиции. Дело в том, что механизм данной динамики представляет собой четкую дифференциацию двух состояний опыта новационного и принятого (индивидами или группой), стереотипизированного. Инновация как раз и относится ко второму состоянию, выражающему начальный этап формирования традиции. Тем

---

²⁹ Штомпка П. Социология социальных изменений/Пер. с англ. Под ред. В.А. Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996. С.244.

самым оно относится уже к общественному классу традиционных (а не собственно новационных явлений)³⁰.

Таким образом, процесс культурной динамики выражается в появлении, принятии и непринятии новаций, превращении части из них в инновации, а инноваций в стереотипы, в доминировании и смене стереотипов.

Важную роль в возникновении новаций играет девиантное (отклоняющееся) поведение членов социума, нарушающих установленный образ жизни и культуры. Но степень приемлемости данного отклонения, новации определяется в значительной степени потребностями адаптации данного социума к изменяющимся условиям существования, как внешним, так и внутренним.

Это в полной мере относится и к изменениям, носящим более целенаправленный характер и проводимым коллективными, корпоративными субъектами действия.

Различия субкультур обусловлены социальными и мировоззренческими факторами, большое значение приобретают различия между поколениями. Юношество, манифестируя имманентные культурные ценности, создает новую культурную реальность, оказывающую воздействие на все уровни и срезы культурной эпохи. Внешними знаками идентификации индивида выступают усвоение поведенческого кода, символики одежды, языковые особенности.

Национальное самосознание является важным объединяющим фактором для представителей различных субкультур, поскольку даже на лингвистическом уровне единства может и не быть. В качестве субкультур возможно выделение элитарной и массовой, официальной и народной,

---

³⁰ Маркарян Э.С. Проблема целостного исследования культуры в антропологии США // Этнология в США и Канаде. М., 1989. С.35.

аристократической и демократической, христианской и языческой, взрослой и детской и т. д. Национальная общность постоянно продуцируется культурой, в том числе языком, письменностью, сигнификативной сферой, государственными институтами, религией. Соперничество культурных традиций, проявляющееся как в открытой, так и в скрытой форме, способствует изменениям и развитию национальной культуры. Вектор изменений не произволен, он определяется внутренней традицией.

Важнейшим механизмом поддержания и передачи норм, ценностей, образцов национальной культуры выступают национальные традиции, социальное и культурное наследие. В национальных традициях сосредотачивается опыт социокультурной идентификации. Традиции несут в себе стандартный национальный опыт и интегрируют социум. Традиции могут быть позитивными и негативными, служащими общественному прогрессу и солидарности или возвращающими в архаику. Культурное наследие включает в себя позитивный и негативный опыт. Переплетение разных культурных традиций в недрах общенациональной культуры способствует ее обогащению, увеличению количества инноваций.

Межкультурные различия проявляются в различной иерархии ценностей и ценностных ориентаций данного народа. Национальные различия определить достаточно сложно, поскольку большинство различий детерминировано культурными и социальными причинами. Межэтнические и межкультурные различия обнаруживаются при сравнении национальных культур в рамках философского по своей природе ценностного подхода.

Ценностные представления, характерные для различных культур, могут классифицироваться как позитивные или негативные ценности, по содержанию ценностей, по предпочитаемому стилю и характеру действия, а также как «ценности инструментальные» – «ценности-средства» и «ценности-

цели». Повседневная жизнь социума определялась этими ценностными представлениями.

В каждой культуре существуют люди, являющиеся носителями ее ценностей, олицетворяющие духовные горизонты нации, оказывающие личностное влияние на процессы исторической динамики. К этой категории относятся святые, герои, странники, харизматические лидеры, чье влияние на действия народа огромно. Если количество людей с ярко выраженной ценностной ориентацией уменьшается или нарушается внутринациональная коммуникация, в обществе нарастают нестабильность, смута, растерянность. Поддержание национальной картины мира, национальной культуры является задачей отдельных личностей. Личностное начало в национальной культуре индустриального общества играет все большую роль, интеллектуальное и художественное развитие личности становится критерием развития национальной культуры.

Ценностные доминанты могут носить подсознательный характер, но выявляются исходя из выбираемых человеком моделей поведения. В целом, изучение ценностей дает объективное представление о национальной культуре, хотя следует отметить динамический, исторически меняющийся характер ценностей. Идеалы и установки той или иной нации тем не менее дают верное представление о современном ее состоянии.

Разница между стандартами ценностей и норм в разных культурах и у разных народов может быть столь велика, что их адекватное понимание и интерпретация становятся весьма проблематичными. Представитель данной культуры может понимать смысл материальных и нематериальных предметов совершенно необычным и непонятным для исследователя образом, поэтому, по мнению Р. Редфилда, К. Гирца и некоторых других, необходимо встать на его точку зрения и смотреть на элементы культуры его глазами. Цель

исследователя и его первая задача состоит в том, чтобы научиться говорить о культуре словами ее носителя, расставлять акценты так, как это делает он, - только так возможно аутентичное понимание культуры. Описание культуры, например, берберов, евреев или французов должно быть выполнено с использованием тех конструкций, в которые берберы, евреи и французы сами себя мысленно помещают, и формул, в которых они сами описывают то, что с ними происходит. Но это не означает, будто эти описания могут быть отождествлены с берберами, евреями или французами, они принадлежат антропологии, т.е. входят в систему научного анализа и развития³¹.

Национальная самоидентификация личности связана с коммуникацией между глубинными структурами личности и ценностным ядром определенной национальной культуры. В национальных ценностях фиксируются значимые для данной нации явления и артефакты, ее коллективные представления. Ценностная система нации актуализируется в поведенческих моделях и таким образом регулирует поведение членов общности.

Сохранением, интерпретацией, использованием и трансляцией национальных ценностей занимаются самые различные социальные институты, в том числе семья, система воспитания и образования, детские учреждения, школы, университеты. К ним относятся также учреждения культуры, СМИ, церковь, армия, общественные организации, политические партии.

Динамика национальных ценностей включает в себя следующие процессы:

- 1) артикуляция и легитимация ценности;

---

³¹ Гирц К. «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры // Антология исследований культуры. Т.1. СПб., 1997. С.183.

- 2) институализирование ценности, ее переформулировка;
- 3) интериоризация в личностном самосознании членов данного сообщества;
- 4) деактуализация ценности в данной ценностной иерархии, ее видоизменение или исчезновение.

Повышенная национальная самоидентификация приводит к этноцентризму, расизму, шовинизму и ксенофобии, когда ценности своей нации провозглашаются абсолютными, а ценности других наций подвергаются преследованиям. В большей мере национализму привержены малообразованные слои населения, которые пытаются компенсировать собственный низкий статус путем возвышения статуса нации или этноса, к которым они принадлежат. Как правило, чем выше индивид занимает место в социально-профессиональной иерархии, тем меньше его этническая самоидентификация. Ярче всего этническая самоидентификация проявляется у работников, занимающихся малоквалифицированным трудом и имеющих низкий социальный статус. Они, кстати, чаще всего высказываются за поиск «своего» пути развития России. По данным опроса, проводившегося в 1992 году отделом социологии Института этнологии и антропологии РАН среди русского населения Москвы (руководитель Ю.В. Арутюнян), 38% «никогда не забывают» о своей национальности, а для 62% опрошенных она не имеет особого значения, также как и национальность окружающих.

Ценности как элементы идентичности данного народа проявляются на двух уровнях: личностном и общественном. Личностный уровень национальных ценностей помещается в глубинных пластах психики личности и определяет модели ее поведения и мышления. Он отличается общечеловеческим характером, включая в себя такие ценности, как семья, работа, здоровье, безопасность, личные достижения, самосовершенствование.

Акцентирование и место каждой из этих ценностей в культурах различных народов будут различными. Так, например, для русского человека характерно стремление к внутреннему самосовершенствованию, личному росту и изменению себя, а для американцев - высокая оценка продуктивной деятельности человека, они признают ценность действия.

Второй уровень национальных ценностей - это ценности общественные, идеологизированные, проявление которых зависит от степени политизации социума, от конкретной политической ситуации. В эпоху общественных перемен этот уровень национальных ценностей отличается динамизмом и связан с социально-политической трансформацией общества. К общественным ценностям нации относятся такие, как Родина, свобода, язык, историческая судьба нации. Государственная пропаганда, СМИ формируют и контролируют ценностную систему нации. Чем динамичнее социально-исторические процессы, происходящие в данном обществе, тем интенсивнее продуцируются новые ценности, трансформируются или реставрируются ценности из исторического прошлого данного государства. Особую роль в конструировании национальных ценностей призвана сыграть стоящая у власти политическая элита, выдвигающая на общенациональный уровень выгодные для нее ценностные установки, нормы, идеи, метафоры и символы, которые становятся достоянием массового сознания. Российское общество последних лет является показательным примером динамики национальных ценностей в условиях трансформации общества. Официальная идеология советского периода, создававшаяся в недрах партийно-хозяйственной номенклатуры и насаждавшаяся с помощью средств массовой пропаганды, содержала в себе такие ценности, как единство страны, интернационализм, провозглашала создание новой общности - советского народа. Начиная с 1953 года, в стране происходит значительный спад политических репрессий, в том

числе и на национальной почве, которые в течение предшествовавшего исторического периода служили своеобразным силовым каркасом, обручем советского государства. В период горбачевской гласности на фоне ухудшающегося экономического положения страны получают широкое распространение ценности оппозиционной интеллигенции, коммунистическая идеология теряет последние элементы легитимности и, как следствие, не может выполнять интегративные функции, на ее место в национальных республиках, как союзных, так и автономных, приходит идеология национализма. Наблюдается резкая смена стандарта ценностей на территории всего Советского Союза, которая носит протестный характер. В национальных республиках наблюдается рост национального самосознания, нарастают центробежные процессы. Высказываются идеи создания независимых государств, эксплуатируется идея ценности родного языка, территории, актуализируется находившееся в забвении культурное наследие, пересматривается историческое прошлое, создаются новые национальные мифы и символы. Атеистическая страна обращается к ценностям религии, и на государственном уровне организуется празднование тысячелетия христианства. В общественном сознании на смену идеям общественной, национальной консолидации приходят идеи конфронтации народов.

Противоречия национализма заключаются в том, что нация стремится к независимости, освобождению от иностранного вмешательства и свободному волеизъявлению, но при этом достигает своих целей за счет ущемления прав инонациональных граждан. В 1989-1992 годах подобные процессы охватили ряд республик Советского Союза. За изгнанием инородцев большей частью стоят экономические причины, так как тем самым ослабляется конкуренция для «титульного этноса» в доступе к местным ресурсам. Существуют и

социокультурные причины, когда возникает сильная потребность в ускоренном формировании нации и преодолении локальных барьеров³².

В обществе с актуализированными принципами демократизма и плюрализма культура имеет полистилистический характер, общество толерантно по отношению к другим культурным формам, стилям, ценностям, что находит свое выражение и в институциональных формах социокультурной регуляции. В странах бывшего СССР, включая Россию, наблюдается переход от моностилистической к полистилистической культуре, когда на смену культурной репрессивности приходит свобода выбора, создается полистилистическая культурная среда и в то же самое время возрастает опасность фундаментализации и выработки моностилистической культуры. В 90 годы на смену советскому стилю приходит полистилистичность со значимыми элементами русского стиля, которые выразились в поведенческом коде и символике одежды, речи, в выборе места построения мизансцен, в т. ч. в православных храмах и величественных общественных зданиях. Любая тотализация мировоззрения приводит к экспансии какого-либо культурного стиля и обеднению культуры. Установки культурного фундаментализма противоположны принципу свободного взаимодействия культур.

Ценностная шкала в постсоветской России свидетельствует о начавшемся длительном историческом процессе смены ориентиров: от коллективистской традиции общество движется к индивидуализму, от критики мещанского благополучия к признанию денег и материального достатка важными ценностями. Опрос социологов Института этнологии и антропологии РАН в Москве в 1992 году показал, что «достаток» у опрошенных россиян вышел на второе место после семьи, опередив

---

³² Ерасов Б.С. Социальная культурология. Ч.2. М., 1994. С.99.

«интересную работу», «спокойную жизнь», «условия для творчества»³³. Безусловно, на ценностный выбор в данном случае повлияла политическая и социально-экономическая ситуация в России в начале 90-х годов.

Для различных этнических групп общенациональные ценности референтны в различной степени, поскольку сохраняются и уникальные особенности социокультурной традиции этносов. Так, например, несмотря на заметную тенденцию к унификации, США, провозгласившие себя «плавильным котлом», в котором образуется американская нация, в реальности не смогли добиться поставленной цели. Американское общество напоминает, скорее, «салат», в котором ощутимо заявляют о себе различные этнические группы, ценности которых значительно различаются.

Национальная культура носит институциональный характер, а ее функционирование развивается на основе индивидуализированных форм человеческой деятельности. В национальной культуре закрепляется исторически сложившаяся система отношений к природе, людям своей и чужой культуры, идеям, вещам. На основе подобного рода отношений выкристаллизовывается иерархия национальных ценностей, которая во многом детерминирует поведение носителей данной культуры.

Вот что писал в конце 20-х годов прошлого века П.М.Бицилли о причинах русской революции: «Трагедия русской революции коренится в том, что народ России еще не сумел к 1917 году превратиться в нацию. А это означает, что не успело «состояться» и государство, которое есть политико-правовое оформление нации. Чем более зрела, чем более «завершена», «готова» нация, тем крепче она связана со своим оформлением. Чем сознательнее жизнь нации, т.е. чем больше людей, образующих ее, втянуто в

---

³³ Дробужева Л.М. Ценности и символы в контексте новых концепций этничности// Ценности и символы национального самосознания в условиях изменяющегося общества. М., 1994. С.16.

процесс национального становления, тем...живее их участие в политике. У такого народа сильнее чувство, что государство есть «res publica», выше и пафос государственности. В пределе всякое национальное государство есть демократия. В демократии, т.е. в "готовом" национальном государстве ... «Нация» и «Государство» существуют «сращено». Россия была «неготовым» национальным образованием, самым «неготовым», наименее «законченным» в Европе»³⁴.

После распада СССР Российская Федерация находится в благоприятных условиях для развития по типу национального государства. 80% русского населения РФ создают достаточно однородное в этническом плане социокультурное пространство. Сегодня все мы являемся свидетелями исторического перехода от универсалистской, имперской к национальной социокультурной системе.

ГЛАВА 2. ПРОЦЕССЫ МОДЕРНИЗАЦИИ В РОССИИ

Процесс перехода от традиционного к современному обществу весьма сложен. Общей особенностью всех значительных социально-экономических преобразований является их болезненность. Модернизационные изменения XX века, как впрочем, и все предшествующие социокультурные

---

³⁴Цит. по: Ачкасов В.А., Елисеев С.М., Лаицов С.А. Легитимация власти в постсоциалистическом российском обществе. М., Аспект Пресс, 1996. С.105.

трансформации, были неожиданны для человека. В России они отличались тотальным, всеобщим характером, распространяясь практически на все сферы человеческой жизни, включая систему ценностей, модели поведения, адаптационные стратегии личности. Интенсивность динамики социокультурной среды превышала исторические аналоги, требуя новых адаптационных стратегий, превращая в «музейные экспонаты» бессмысленные на новых отрезках исторической динамики нормы, ценности, социальные позиции, модели повседневного существования.

Для традиционных обществ модернизация крайне болезненна. Социокультурная традиция, на которой построена вся их жизнь, легитимизирует примат коллектива (общины) над личностью, закрытое общество, отсутствие демократии, кроме некоторых низовых народных форм. Пассивность общества и личности сопровождается отношениями подданства, временной ориентацией на «сегодня», т.е. жизнь сегодняшним днем, невозможность работать ради «отложенного спроса», воспроизводство традиций («что всегда было, то всегда будет»), господство мировоззрения над технологией. Все это может вызывать в обществе серьезное сопротивление модернизационным процессам. Параллельно в обществе происходит осознание цивилизационных преимуществ, важности новых технологий, что скорее всего осознается в области военного строительства.

Модернизация усиливает существующие различия в политической национальной культуре элиты и неэлиты, в национальной политической культуре исчезает консенсус по поводу основ жизни и целей данного народа. Таким образом, в течение длительного времени остается открытым вопрос, в какую сторону будет двигаться национальная культура в условиях, когда основные политические субкультуры зачастую разнонаправлены.

Политическая организация современных обществ долгое время рассматривалась в традиционных обществах как нечто второстепенное, а то и вовсе незначимое, то, что демократическое общество является как бы «вечным двигателем», обеспечивающим саморазвитие во всех областях жизни, в том числе в науке, промышленности, военном деле, гуманитарных областях культуры, стало понятно значительно позднее. Человеческой личности свойственно отождествлять себя с чем-то более устойчивым, длительным и фундаментальным, чем конечная человеческая жизнь.

Стремление к трансвременной культурной идентичности вплоть до начала Нового времени в Европе выражалось в религиозных чувствах, дающих ощущение личностного бессмертия.

Религиозная Реформация была первой трещиной в сакральном восприятии мира; в результате вызванных ею религиозных войн Европа понесла огромные человеческие потери, только в Германии погибло более половины населения. Результатом этого этапа стало появление некоторой усталости, цинизма, ослабление веры и, как следствие, большая веротерпимость, плюралистичность.

В процессе становления модерности в Европе происходит разрушение простых, теплых, личностных человеческих связей. Человек традиционных обществ, европейского средневековья, не знал одиночества, имел смутные представления о частной, приватной жизни, праве на уединение. С рождения присутствовал аскриптивный статус, включенность в строго определенную социальную общность, где человек был своим по факту рождения, происхождения. Человек эпохи модерна имеет дело с бюрократическими, формальными структурами, сам постепенно приобретая «модульный характер», встраиваясь в различные социальные, профессиональные,

культурные группы, выбирая свою карьеру, жизненный путь, варианты самореализации.

Другой причиной разрушения сакрального восприятия мира было возникновение книгопечатного капитализма, перводвигателя экономических, политических реформ, изменения социокультурной традиции.

В результате Реформации и буржуазных революций в Европе начался процесс перехода от традиционного общества к обществу раннего модерна.

Религиозная коллективная идентичность ослабла, на ее место пришла идентичность национальная. Человек стал отождествлять себя с нацией, которая отчасти удовлетворяла тягу человека к бессмертию путем ассоциирования себя с этой трансвременной сущностью. Процессы трансформации, переживаемые культурой, ассоциируются с тем, что происходило в Европе при становлении модерности (первые буржуазные революции, начало Нового времени). Тогда речь шла о замещении национальным чувством религиозного, «десакрализации» мира. В эпоху модерна происходит все более радикальный разрыв между христианскими, по своей генеалогии, структурами и их новым, секулярным содержанием.

Характерная для модерна интенсивность социокультурной динамики дестабилизирует и существенно модифицирует чувство онтологической безопасности, свойственное личности в европейские Средние века. Стереотипизация социокультурной практики во все меньшей степени достигается посредством механизмов традиции, во все большей степени — посредством инновационной творческой практики. Мировоззрение человека Нового Времени постепенно освобождается от связи с религиозными космологиями, игра случая приходит на место божественного предопределения. Человек Нового Времени живет в обществе риска. Впервые

в человеческой истории личность обращается к возможности рационального выбора различных открытых для нее возможностей действия.

В Европе Нового Времени возникают новые формы общественной жизни. Их идеологически обосновывает убеждение о приоритетности свободного общественного дискурса. Вновь предложенные формы общественной организации долгое время не соответствовали реальной социальной практике. Модерность в ее политической сфере окончательно воплотилась в Западной Европе лишь после окончания второй мировой войны, когда в орбиту Евро-Атлантического мира вошла Западная Германия.

«В современном мире картину изменений в жизни стран и народов, человечества в целом невозможно понять, игнорируя рассмотрение современного мира через дуальную оппозицию «традиционная - либеральная суперцивилизация». Место любой страны в мире, ее важнейшие процессы могут и должны осмысляться через эту дуальную оппозицию»³⁵.

Переход от традиционного к современному обществу весьма драматичен как для общества в целом, так и для отдельного человека. Меняются почти все жизненные представления, система приоритетов, рациональность, психический склад личности, доминирующей в обществе.

Объем и глубина требуемых перемен столь велики и революционны, что процессы аутентичного переноса ценностей, отношения к миру, типа рациональности, политических и культурных институтов от современных к традиционным обществам протекают достаточно сложно.

«В XX веке стало очевидным, что в глобальном масштабе распространяются определенные социокультурные тенденции, зародившиеся в развитых странах и определившие их лидирующую геополитическую позицию. Они проявляются на уровне социальной организации общества. В

---

³⁵ Ахиезер А.С. Как "открыть" закрытое общество. М.: Магистр, 1997. С.30.

хозяйственной сфере – как движение от индустриализма к постиндустриализму; в политической – от авторитарных режимов к демократическим; в правовой – от обычного к юридическому праву. Им соответствуют изменения в области социально значимого знания и мировоззрения: в религиозной сфере заметен сдвиг от священного к более светскому обоснованию миропорядка; в философии – от монистического к плюралистичному миропониманию; в искусстве – от стремления к стилистическому единству к полистилистике; в науке – от объективизма к антропному принципу. Совокупность этих общих социокультурных тенденций принято называть модернизацией»³⁶. Применительно к странам «второго» (бывшего социалистического) и «третьего» мира, модернизацию возможно рассматривать как порождение не только внутренних, но и внешних факторов. Интеллектуальные и политические элиты данных стран, обладающие большим уровнем информированности и, как следствие, возможностью сравнения, пытаются поднять общество на новый, более высокий уровень развития, ориентируясь на страны модерна. В данном случае модернизация не является самоподдерживающимся, самопрогрессирующим процессом. Во многом это попытка перенесения образцов, моделей и достижений развитых стран в свои собственные³⁷:

Наиболее распространенными в мировых практиках являются два типа модернизации.

Первый тип модернизационных процессов, получивших название «догоняющей модернизации» характеризуется использованием части инокультурного опыта, прежде всего в сфере промышленных, военных технологий, восприятия уровня цивилизованности и комфорта для элиты. По

---

³⁶ Орлова Е.А. Социокультурные предпосылки модернизации в России// Библиотека в эпоху перемен: Информ. сб. (Дайджест). Вып. 2(10). М.: РГБ, 2001.С.–7.

³⁷ Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996. С. 173.

этому пути развития Россия двигалась, начиная с петровских преобразований, когда, собственно, и были осознаны как проблема недостаточность экономического, военного, управленческого (бюрократического), образовательного потенциала, в целом уровня цивилизованности в сравнении со странами Западной Европы.

Великий российский реформатор Петр I использовал труд крепостных крестьян для развития мануфактур. И царское правительство, и славянофилы, и социалисты считали благом для России сохранение крестьянской общины, т.е. пытались использовать особенности традиционного общества для разных целей, в том числе и для нужд модернизации.

Коммуникации российского общества, связывающие страну с внешней средой, каковой на протяжении Нового времени являлась, прежде всего, западная цивилизация, долгое время находились под контролем и ограничивались. Идеология и практика «железного занавеса» в СССР были, пожалуй, наиболее ярким примером манифестирования подобного рода контроля над коммуникациями.

Модернизация означает несколько больший или меньший разрыв с социокультурной национальной традицией. Изменение культурной идентичности рассматривается теоретиками модернизации как необходимое условие успешности, а смена культурной идентичности говорит о завершенности модернизационного процесса.

Д. Бергер дает свое определение основным принципам, на которых базируется теория модернизации:

1. Модернизация представляет собой, прежде всего, внутреннее достижение обществ, в которых разворачиваются модернизационные процессы.

2. Модернизационные процессы, протекающие в различных частях социокультурной сферы, отличаются комплиментарным характером, то есть поддерживают друг друга.
3. Страны, лидирующие в модернизационном процессе, не мешают тем, кто находится на более ранних этапах.
4. Процессы модернизации имеют общую направленность.

Теории модернизации, ставшие популярными в Западной Европе и Северной Америке в последние десятилетия XX века, сходятся, в основном, в следующем:

1. «Модернизацию можно рассматривать как действие индивидуальных и коллективных акторов, которые хотят изменить и улучшить свою ситуацию.
2. Общества ищут новые пути развития в соответствии с их целями. Но решающим для успеха развития является не соответствие целей и ценностей, а сочетание ценностей и ресурсов. Там, где нет базовых ресурсов, успеха модернизации не будет.
3. Модернизация - не однородный процесс трансформации системы, а борьба между сторонниками и противниками модернизации и реакция наблюдателей.
4. Просвещение и наука - базовые силы модернизации, но религия (церкви, секты, системы верования) не должна недооцениваться как источник легитимации или сопротивления.
5. Развитие социального обеспечения - главный критерий модернизации.

6. Исторически центры модерности менялись, появились новые центры. Сегодня это опять может быть Юго-Восточная Азия.

7. Модернизация - не однородный поступательный процесс. Она содержит и циклы колебаний, периоды кризиса и стагнации»³⁸.

В процессе модернизации происходит радикальное изменение политических институтов, зарождение открытого общества, партийной демократии, изменение личности, доминирующей в обществе, когда активный тип «А» начинает превалировать над пассивно-созерцательным типом «Б», замена ценностной рациональности, имеющей религиозную природу, целерациональностью, господством технологий.

Для традиционных обществ модернизация крайне болезненна. Социокультурная традиция легитимизирует примат коллектива (общины) над личностью, закрытое общество, отсутствие демократии, кроме некоторых низовых народных форм. Пассивность общества и личности сопровождается отношениями подданства, временной ориентацией на «сегодня», т.е. жизнь сегодняшним днем, невозможность работать ради «отложенного спроса», воспроизводство традиций («что всегда было, то всегда будет»), господство мировоззрения над технологией. Все это может вызывать в обществе серьезное сопротивление модернизационным процессам. Параллельно в обществе происходит осознание цивилизационных преимуществ, важности новых технологий, что, скорее всего, осознается в области военного строительства.

---

³⁸Цапф В., Хабих Т., Бульман Я., Делей В. Германия: трансформация через объединение// Социс. 2002. № 5. С. 22.

Процесс превращения «новация-инновация-стереотип» имел для традиционного общества преимущественно эндогенный, т. е. обусловленный внутренними причинами, характер, хотя некоторый диалог культур существовал всегда. Перемены вызревали как ответ на внутренние проблемы и природные катаклизмы. Экзогенный фактор также присутствовал в виде чужой или собственной военной агрессии или в виде торговли с иными территориями.

Эндогенный фактор перемен господствовал над экзогенным: в значительной мере традиционное общество было самодостаточным. Это одна из причин замедленности перемен, замедленности превращений в цепочке «новация-инновация-стереотип».

В отношении традиционного общества можно говорить о столь полной адаптации социокультурной сферы к природному и инокультурному окружению, обеспечивающей сохранение и воспроизводство жизни данного общества в рамках традиции, при которой происходит массовое отторжение новаций. Адаптация к инокультурному, иноконфессиональному окружению выражается и в ограничении и контроле над внешними контактами.

Если западноевропейские общества «выросли» из своего «традиционного» состояния и вступили в современность благодаря эндогенным факторам, естественным процессам социокультурной динамики, то для большей части мира модернизационные процессы были ответом на вызов общества модерна. Так, например, экзогенные факторы были представлены практически в чистом виде в ходе процесса колонизации. Перенос западных институтов на почву традиционных обществ способствовал их цивилизационному расколу.

Неэлита, т. е. низшие классы, получали преимущества цивилизации лишь отчасти, неся бремя издержек и эксплуатации, связанное с ускорением

социокультурной динамики, процессами модернизации. Неэлита опиралась в данном случае на автохтонную социокультурную традицию, нормативно-ценностную систему, сложившуюся в рамках данной традиции. Ей свойственна некоторая «архаизация», в том числе связанная с преобладанием мировоззренческих ценностей над инструментальными, осуждением цивилизованной личности, деятельности, направленной на получение прибыли. Наблюдается отчуждение от новых социальных, культурных институтов и ценностей, которые приобретают неаутентичный характер.

В целом весьма вероятно редукция, т.е. упрощение, огрубление имплантированных образцов. У.Ганнерс выдвинул теорию «глобальной ойкумены». Он рассматривает сценарий восприятия традиционными, незападными обществами, трансплантированной западной культуры. Наиболее распространенный сценарий, заключающийся в отфильтровывании высших ценностей культуры, вызванном уровнем культуры - реципиента, а также в негативной адаптации инокультурного опыта к существующим традициям получил название периферийной коррупции.³⁹ Демократические ценности и институты могут быть использованы, в частности, авторитарной политической системой в процессе негативной интерпретации к автохтонной социокультурной традиции.

Модернизация усиливает существующие различия в политической национальной культуре элиты и неэлиты, в национальной политической культуре исчезает согласие по поводу основ жизни и целей данного народа. Таким образом, в течение длительного времени остается открытым вопрос: в какую сторону будет двигаться национальная культура в условиях, когда существует разновекторная направленность основных политических субкультур.

---

³⁹ Цит. по: Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996. С.157.

Политическая организация современных обществ долгое время рассматривалась в традиционных обществах как нечто второстепенное, а то и вовсе незначимое. То, что демократическое, гражданское общество является как бы «вечным двигателем», обеспечивающим саморазвитие во всех областях жизни, в том числе в науке, промышленности, военном деле, гуманитарных областях культуры, стало понятно значительно позднее.

Модернизация расширяет спектр возможностей и общий потенциал развития культуры и общества. Если говорить о глобальной модернизации, то она возможна только как восприятие, интериоризация институциональной сферы общества модерна. Модернизация представляет собой периодический и систематический процесс институционального обновления.

Модернизация представляет собой векторное изменение социокультурной сферы, уменьшение локальной и возрастание универсальной составляющей, мегатренд от локализма к универсализму.

В модернизированных обществах, представленных в большинстве своем странами, относящимися к западной цивилизации, и обществах, находящихся на заключительных стадиях модернизации, доминирует универсальное, локальное выполняет компенсаторную функцию. Универсальное воплощается, прежде всего, в рыночной экономике, характеризующейся частной собственностью, относительно низким уровнем перераспределения, обменом, конкуренцией, наемным трудом, прибылью. Универсальное включает в себя нормы, ценности, модели поведения. Движение к универсализму является движением к десакрализации мира, к разрушению архаического синкретиза в культуре и обществе, приоритету прав личности. Приоритет личности в отношении любых общественных структур доминирует.

Движение к универсализму во многом тождественно движению к либерализму в экономике и социуме, секуляризации общественной жизни, господству рационального мировоззрения.

В области государственного строительства, институциональной организации социума универсализм предполагает актуализацию договорных начал, в том числе развитие федерализма.

Социокультурную сферу российского общества необходимо рассматривать в процессе исторической динамики, продолжающихся модернизационных процессов, имеющую разновекторную направленность на почву и цивилизацию. Российская культура открыта воздействиям как с Запада, так и с Востока. Причем Запад и Восток понимаются нами не в узко географическом смысле, а как различные социокультурные системы, характеризующиеся различными нормами, ценностями, моделями поведения.

Россия встала на путь «догоняющей модернизации», когда заимствовались технологические приемы, инструментальные знания, относящиеся к сферам промышленности, науки, военного дела. Авторитарный характер государственной власти и политической культуры сомнению практически не подвергался. Петр I, посетив Европу, не заинтересовался европейской демократией и индивидуализмом. До нас дошли слова государя, обращенные к приближенным: «Английская вольность здесь неуместна, как стена горох. Надлежит знать народ, как оным управлять. Европа нужна нам только на несколько десятков лет. А после того мы можем обернуться к ней задом»⁴⁰.

На этот, антимодернизационный по своей сути, подход указывает Г.Нодия, характеризуя опыт уже советский, совсем недавний: «Посткоммунистическая Россия более урбанизирована, индустриализирована

---

⁴⁰ Цит. по: Поселянин Е. Русская церковь и русские подвижники XVIII века. СПб., 1905. С.5.

и грамотна, чем аграрная царская Россия. Несмотря на это, остается верным, что Россия в 1986 году была в значительно большем расхождении с современностью, чем в 1913 году. Причина в том, что коммунистическая модернизация – это извращенная модернизация: она демонстративно наращивает тело современности, но убивает ее душу. Коммунисты проложили дороги, воздвигли гидроэлектростанции и тому подобное, но они убили (или изо всех сил пытались убить) способность человека к самопроизвольному действию»⁴¹.

Поскольку Россия не завершила свой модернизационный проект, сопровождающийся как движением вперед, так и возвращением назад (за революцией до сих пор следовала контрреволюция), т.е. «маятниковым» движением, российской культуре рано «списывать» в архив ценности, декларированные эпохой Просвещения, вставать на позиции скепсиса и недоверия к ним. Российское общество еще отнюдь не принадлежит к «золотому миллиарду», т.е. к населению наиболее развитых стран Европы и Северной Америки, которые могут себе позволить иронию и разочарование по отношению к европейскому Просвещению и идее универсальности прогресса, когда все частное, неразвивающееся, локальное рассматривалось как временное, несущественное. Данная идея универсума, идущая от христианской традиции, дает надежду на развитие, на то, что и Россия сможет стать частью мира модерна (современности), с течением времени институционально войти в состав единой Европы, стать частью западной (либеральной) цивилизации.

Уникальность России, уникальность любого модернизирующегося общества не отменяет базовые парадигмы перемен. Каждое из них меняется,

---

⁴¹ Цит. по: Поляков Л. Путь России в современность: модернизация как деархаизация. М., 1998. С.169.

но флуктуации этих перемен не отменяют общей векторности развития. Россия не станет копией Франции или Германии, но станет более технологичным, информационным, открытым обществом. Основная, черная, модернизационная работа выполнена в России в рамках «консервативной советской модернизации». Ушла в прошлое Россия крестьянская, православная, общинная.

В рамках российского модернизационного проекта необходимы институциональные и ценностные трансформации. Такая большая страна, как Россия, не может делать ставку на эксплуатацию сохранившихся с домодернизационных времен природных и культурных объектов (например, на развитие туризма как локомотив национальной экономики), что, однако, возможно для менее обширных стран.

Позитивным, адаптационным выходом для российской социокультурной системы является снятие всех препятствий, ограничений на путях межкультурного взаимодействия между цивилизацией-донором, т.е. Западом, и цивилизацией-реципиентом, т.е. Россией, во всяком случае, в отношении институциональных форм организации социума, части ценностно-нормативной системы, технологий производства и потребления, моделей образа жизни. Минимум контроля над информационными потоками как внутри, так и на границах российской социокультурной системы, работа над созданием на всей территории России однородной, унифицированной с Единой Европой правовой среды - одна из актуальных задач нашей модернизации.

Естественными ограничителями на этом направлении являются национальная культура, язык и уровень экономического развития, уровень совокупной платежеспособности, способность оплатить инокультурные инновации.

Второй тип модернизации часто отождествляют с вестернизацией, редуцируя ее к колонизации, что неизбежно придает явлению оценочный, негативный смысл. Второй тип модернизации представляет собой максимальное раскрытие коммуникационных связей социокультурной системы с окружающим миром. Полноту его использования в последнее десятилетие российских реформ нельзя сравнить с модернизационной практикой в Западной Германии после второй мировой войны или в послевоенной Японии, но уровень открытости социокультурной системы беспрецедентен в российской истории.

Российская социокультурная традиция дихотомична начиная с момента монголо-татарского нашествия, до этого Киевская Русь развивалась как европейское государство. Исторически прослеживается противоборство демократической и авторитарной традиции, взгляд на Россию как на часть Европы и интерпретация ее конфессиональных, политических, географических особенностей в терминах авторитаризма, этатизма, автаркии, характерных, скорее, для социокультурной традиции восточных деспотий. Отражением, квинтэссенцией второго подхода стала знаменитая триада министра народного просвещения николаевской эпохи графа С. Уварова: православие, самодержавие, народность. В самом общем виде эта триада отражает основные исторические препятствия на пути российской модернизации.

Известный российский ученый, доктор философских наук Л. Поляков к этой сдерживающей социокультурную динамику триаде добавил фактор колонизации, характерной переносом традиционных форм организации социума на вновь осваиваемые территории, т. е. экстенсивное развитие⁴².

---

⁴² Поляков Л. Путь России в современность: модернизация как деархаизация. М., 1998. С. 36.

Рассмотрим указанные базисные элементы торможения социокультурной динамики в России.

Христианство с момента своего возникновения несло в себе громадный творческий потенциал, именно с его возникновением начался долгий процесс освобождения личности от кровных, семейных, племенных, территориальных, языковых локальностей. Универсальный образ единого мира, которым впоследствии стал мир модерна, проистекает именно отсюда.

Родовые особенности Византийской империи, подчиненное, в отношении государственной власти, положение православной церкви оказали самое серьезное влияние на российскую государственность, религиозную традицию, все сферы социума и культуры.

А. Тойнби отмечает общую негибкость византийской имперской власти, выражающейся в жестком контроле, противодействии разнообразию, экспериментированию и творчеству, отсутствии минимальной толерантности. «В православии в период его роста мы не только не обнаруживаем гильдебрандова папства; нет здесь и самоуправляемых университетов, подобных университетам Болоньи и Парижа. Не видим мы здесь и самоуправляемых городов-государств, как в Центральной и Северной Италии или во Фландрии. К тому же западный институт феодализма, независимый и находившийся в конфликте с западной средневековой церковью и средневековыми городами-государствами, практически полностью отсутствовал»⁴³.

Византийская традиция предполагала противопоставление всему Западному миру, что во многом определяло оторванность российской

---

⁴³ Тойнби А. Кара за поклонение эфемерному институту(Восточная Римская империя)//Постижение истории/Пер. с англ. Е.Д.Жаркова. М.:Рольф,2001.С.331.

культуры и социума от античности, культурных традиций и артефактов греко-римского нехристианского наследия.

В значительной мере русское православие характеризуется созерцательно-аскетическим, недеятельным характером в отношении мирской жизни. Православное богословие мало занималось вопросами мирского усовершенствования, оставаясь, в значительной мере, равнодушным к самой идее прогресса в социальной жизни. Это отличает его от протестантизма и, в несколько меньшей степени, от католичества, для которых характерна большая вовлеченность в жизнь социума. Вера была направлена на достижение спасения и царства Божия в потустороннем мире, православные богословы мало интересовались вопросами мирского усовершенствования. Стремление к усовершенствованию социальной жизни, достижению материального благополучия так и не получило должного оправдания, санкционирования в рамках православного богословия. В рамках русской православной церкви, всего православного мира не было революции духа, аналогичной западноевропейской Реформации. Русская церковь изначально, а после заключения греческой (византийской) православной церковью на Флорентийском Соборе в 1439 году унии с римско-католической церковью и падения в 1453 г. Константинополя особенно, ощущала себя хранительницей истинной веры. Россия, которую мы потеряли, была православной цивилизацией. Семьдесят лет советской власти и десятилетие постсоветского периода секуляризировали общество, в значительной мере сделали его индифферентным по отношению к религии, в том числе и православному христианству. Социологическое исследование 1998 года, посвященное формированию социальной идентичности в двух трансформирующихся обществах, России и Польше, проведенное под руководством Е. Данилова и К. Козела, обнаружило, что поляки в

подавляющем своем большинстве в качестве приоритетной идентичности ощущают себя поляками и католиками. Россияне в первую очередь определяют свою коллективную идентичность как общность повседневного межличностного общения. В круг этого общения входят семья, друзья, товарищи по работе. Ближе к концу списка российские респонденты осознают себя россиянами, русскими, еще более редко ощущают себя православными⁴⁴.

В своем отношении к религии Россия во многом является чистым листом, где на равных могут конкурировать различные направления христианства и, в том числе, как это ни печально, экзотические и тоталитарные секты. О равных, в значительной мере конкурентных возможностях для различных конфессий свидетельствует, в частности, взрывной рост числа католических приходов, наблюдаемый в постсоветский период.

Через экуменические процессы необходимо стремиться к большему взаимопониманию различных христианских конфессий. В практическом плане возможно инициирование диалога русской православной церкви с различными формами западного христианства. Восточная и западная церковь разделились во многом благодаря политическим мотивам. История дает редкую возможность для достижения большего взаимопонимания восточного и западного христианства. Когда нивелируются политические и экономические причины религиозного разделения, само разделение может и не иметь прежнего значения.

Модернизация в России изначально была вызвана необходимостью адаптации социокультурной системы к изменяющимся условиям внешней

---

⁴⁴ Ядов В.А. А все же умом Россию понять можно//Россия: Трансформирующееся общество. М.: Канон-пресс-Ц, 2001. С. 15.

среды. «Исконно русские территории, подвергшиеся облучению западноевропейской культурной радиацией, стали предметом неутраченного военного спора между русским универсальным государством и западноевропейскими державами. В результате борьбы России удалось вернуть под свой суверенитет земли, которые долгие годы находились под западным правлением. Однако военные и политические победы еще не гарантировали возвращения этих территорий в лоно прежней культуры. Более того, благодаря последовательной пропаганде западной культуры, вестернизации начинали подвергаться даже внутренние земли Московии»⁴⁵.

Неограниченное самодержавие, деспотизм государственной власти выступали тормозом модернизации, хотя в определенные периоды царствования Петра I, Екатерины II, Александра I, Александра II отдельные элементы модернизации насаждались в российском обществе сверху, благодаря почти неограниченным возможностям самодержавной власти. В России до сих пор не завершился конфликт между «цивилизацией» и «почвой», при этом «почва» до сих пор порождает элиту, выражающую ее интересы. Вектор развития России определялся ориентацией на «цивилизацию» или «почву» высших лиц государства, прежде всего императоров. Вопрос о необходимости проведения политических реформ, переходе к многопартийной парламентской демократии, стоял в течение длительного времени. Не находила решения ключевая проблема России, заключавшаяся в невозможности народа мирно, законными способами менять государственную власть, влиять на ее действия. Реформы начали осуществляться лишь во время первой русской революции, когда тянуть с их проведением было невозможно, и пошел на них император Николай II с

---

⁴⁵ Тойнби А. Современный Запад и Россия//Постижение истории/ Пер. с англ. Е.Д. Жаркова. М.: Рольф, 2001. С. 46.

большой неохотой. Эта «привязанность» русских правителей к самодержавному деспотическому правлению была обусловлена рядом причин. В период становления Московского княжества и собирания русских земель вокруг Москвы в организации социокультурной сферы формирующегося российского государства проявилась заметная зависимость от монголо-татар, с восприятием от них жестких методов государственного управления. Это - сложившиеся отношения подданства, столь характерные для восточных деспотий в отличие от договорных отношений вассалитета в средневековой Европе.

Отношения подданства, когда даже высшие сановники государства называли себя «последними холопами» царя, привели к уничижительному отношению к человеческой личности. Боярство, которое в силу знатности и личного богатства пыталось настаивать на уважении к себе со стороны верховной власти, само подверглось жестоким гонениям в царствование Ивана IV (Грозного). Его деятельность привела к разрушению элементов, которые служили опорой для становления общества прогрессивного типа.

Еще за несколько десятилетий до восшествия Ивана IV на престол Москву посетил посол империи Габсбургов Сигизмунд Герберштейн, так охарактеризовавший могущество Ивана III: «Властью, которую он имел над своими подданными, он далеко превосходит всех монархов целого мира. Всех одинаково гнетет он жестоким рабством. Все они называют себя холопами, то есть рабами государя»⁴⁶.

«У них были свои лекари, хирурги, аптекари и всякие ремесленники из голландцев и других иноземцев. Говорят, что царю платили они ежегодно до 23 000 рублей (почему им и дозволено было производить торговлю) и, кроме того, содержали несколько гарнизонов на сибирской границе, близкой к ним.

---

⁴⁶ Цит. по: История отечества: люди, идеи, решения. М., 1991. С.35.

Царь был доволен их податью до тех пор, пока они не приобрели землю в Сибири и не сделали ее удобной к населению, истребив огнем и вырубкой леса от Вычегды до Перми на расстоянии 1000 верст; тут он насильно отнял у них все. Зависть и негодование на богатство в чьих бы то ни было руках, и в особенности в руках мужика, побудили царя отбирать у них сначала по частям, иногда 20 000 рублей сразу, иногда более, пока, наконец, удержав только весьма малую часть отцовского имущества, между тем как все прочее перешло в царскую казну. Имена их были: Яков, Григорий и Семеон, сыновья Аники»⁴⁷. Отсюда и пошла пословица Аника-воин, отражающая бесправное положение человека перед царской властью, вне зависимости от успехов на экономическом поприще.

Иван IV с осуждением отзывался о западном государственном устройстве: «А о безбожных языцах что и глаголити! Понеже те все царствами своими не владеют: како им повелят работные их, тако и владеют»⁴⁸. С пренебрежением, как о неподходящем для России, отзывался о западном государственном устройстве и Петр I, немало сделавший для модернизации страны. Отказалась от последовательных политических реформ западного типа и Екатерина II, встретив глухое сопротивление православного духовенства и дворянства. Неограниченное самодержавие было обусловлено религиозной мотивацией, «византийским наследием». Византизм для государства соответствовал самодержавию.

Начиная с реформ Петра I, российский модернизационный цикл разорван. Его инициирует и поддерживает государство, общество во многом играет комплиментарную, вспомогательную роль. Отсутствие общественных

---

⁴⁷ Флетчер Дж. О государстве Русском. Проезжая по Московии (Россия XVI-XVII веков глазами дипломатов)/Отв. ред. и автор вступительной статьи Н. М. Рогожин; составитель и автор комментариев Г. И. Герасимова. М.: Междунар. отношения, 1991. С.71. (Россия в мемуарах дипломатов).

⁴⁸ Цит. по: Альшиц Д.И. Начало самодержавия в России. Л., 1988. С.93.

механизмов, воспроизводящих и поддерживающих модернизационный процесс, заставляет пристально рассматривать потенциальных претендентов на роль субъекта модернизации.

В условиях России начала XXI века потенциальным претендентом на роль объекта модернизации, способного рисковать, осуществляя рациональный жизненный выбор, является средний класс, основа будущего гражданского общества. При условии достаточно стабильного развития экономики средний класс занимает, как правило, среднюю часть политического спектра, оставаясь достаточно индифферентным как к правому, так и к левому экстремизму. Представители среднего класса тяготеют скорее к мирным, эволюционным процессам, а отнюдь не к революционным переменам.

Уровень экономического развития, темпы экономического роста в России во многом оказывают решающее влияние на становление политической демократии, формирование сильного среднего класса, толерантности в отношении различных вероисповеданий, приоритета личности. На наших глазах и при нашем участии происходят процессы формирования, экономического политического и культурного становления российского среднего класса. Перефразируя Маркса, можно сказать, что в процессе модернизации средний класс выступает могильщиком архаической части социокультурной традиции российского общества.

Большую роль в упрочении самодержавного правления, возрастании роли государства во всех сферах жизни, формировании его патерналистского характера сыграла колонизация обширных земель, ранее входивших в татаро-монгольские ханства, прежде всего Сибирского ханства. В течение долгого времени соотношение между количеством населения и размерами населенных территорий оставалось неблагоприятным для интенсивной

хозяйственной и социальной культуры. Недостаточность общественных сил, личных и материальных средств для разрешения очередных внешних и внутренних задач русской жизни – постоянная и трагическая судьба ее истории. Значительные исторические достижения покупались поэтому дорогой ценой крайнего напряжения⁴⁹.

Существовала объективная возможность, не проводя существенных реформ, не переходя на интенсивный путь развития, развиваться вовне, экстенсивно, за счет включения в хозяйственный оборот новых территорий, перенося на них старые формы организации социума. Так, за счет огромных колонизированных территорий очень долгое время не решался «земельный вопрос» в центральной России, сохранялась земельная община, когда «излишки» рабочей силы бежали или легальным путем переселялись на окраины империи. Это позволяло долгое время ничего не менять, составляя своеобразный запас прочности для традиционного общества.

Экстенсивное территориальное развитие, включение в состав Российской империи регионов, находящихся на разных уровнях развития, относящихся к разным цивилизациям, оставило в наследство современной России исключительную неоднородность регионов в экономике, качестве социума, культурных традициях. Известный российский экономист М. Делягин говорит о высокой неоднородности регионов в экономическом отношении, причем слабые и сильные регионы так перемешаны на территории, что мы не можем просто отрезать от себя слабую часть, как это сделала Чехия, расставшись со Словакией⁵⁰.

---

⁴⁹ Пресняков А.Е. Московское царство. Пг.: ПГУ, 1918. С.14.

⁵⁰ Делягин М. Демократия – не для бедных// Знание – сила. 2000. №4.С.16.

В результате Российское государство отличается от других стран не только размерами территории, но и принципиально различным уровнем развития своих регионов. Россия состоит из следующих регионов:

1. Постиндустриальные: Москва, ближнее Подмосковье, в некоторой степени Санкт-Петербург.

2. Индустриальные: Норильск, Урал и т. д.

3. Доиндустриальные: Тува, Горный Алтай, Чечня, Калмыкия.

Модернизационные процессы, протекающие в столь разнородном социокультурном пространстве, неизбежно сами теряют однородность, внутреннюю согласованность. Для успешного развития России необходимо выравнивание социокультурного пространства, достижения большей однородности, синхронизации социокультурной динамики, выбора общего вектора развития в сторону постиндустриального общества. Регионы, которые по каким-либо причинам не смогут развиваться в этом направлении, скорее всего, будут вольно или невольно способствовать дезинтеграционным процессам.

Равенство как форма массового, общинной идентичности, проявляется, в частности, в определении собственного «я» в следующих сентенциях: «я – как все», «я человек маленький, от меня ничего не зависит» и т. д., является серьезным препятствием на пути российской модернизации. «Русский коллективизм» и русская «соборность» почитались великим преимуществом русского народа, возносящим его над народами Европы. Но в действительности это означает, что личность, личный дух недостаточно еще пробудились в русском народе, что личность еще слишком погружена в природную стихию народной жизни»⁵¹. Естественно, что все это наложило

---

⁵¹Мережковский Д.. Мирозерцание Достоевского. Прага, 1923. С.171.

самый серьезный отпечаток на русское самосознание, архетип русского народа.

Коммуникации российского общества, связывающие страну с внешней средой, каковой на протяжении Нового Времени являлась прежде всего западная цивилизация, очень долгое время находились под контролем и ограничивались. Идеология и практика «железного занавеса» в СССР были манифестированием подобного рода контроля над коммуникациями.

Абсолютная открытость межкультурных коммуникаций столкнулась с рядом внутренних ограничителей системы, в том числе национальным менталитетом. Сегодня мы все являемся свидетелями великого перехода от одной социокультурной системы к другой. Переход этот осуществляется через состояние динамического хаоса, нарастания мультикультурности, полистереотипизации, радикальной открытости системы. Рождение новой социокультурной системы требует определенного исторического времени. Впервые в российской истории теряет всякий рациональный смысл ограничение и разграничение ее внутренних и внешних коммуникаций.

Непреодолимой преграды для интериоризации инокультурных ценностей позднего модерна не существует, ценности являются интериоризованной интерпретацией социокультурной среды. При ее изменении не могут не меняться ценности, национальный менталитет.

В 90-е годы XX века в России резко изменилась социокультурная среда. Это изменение было обусловлено почти полным исчезновением контроля над коммуникациями как внутри социокультурной системы, так и ее коммуникациями с внешней средой. Актуализировался ценностный выбор, личность смогла выбирать ценности «по себе», принимать и отвергать ценности, совершать осознанный выбор.

Известный французский социолог П. Бурдьё отмечает, что люди часто «придают непропорционально большое значение раннему опыту». Возникает своеобразный инерционный эффект, характеризующийся стереотипизацией поведения людей, которые пытаются использовать адаптационные модели поведения, которые хорошо работали в прошлом, но стали совершенно неэффективными в новых условиях⁵². Социализация и инкультурация старших возрастных групп россиян проходила в совершенно иных условиях, на ином отрезке социокультурной динамики. Усвоенные в молодости ценности, поведенческие стереотипы оказались неэффективными в качестве адаптационных моделей поведения. Значительная часть общества осталась в рамках старых нормативных представлений, сформированных традиционным обществом и в основной своей части воспроизводимых советской командно-административной системой.

Выдающийся российский экономист Е. Ясин, в статье, посвященной десятилетию постсоветских реформ, характеризует этот период как время перехода от тоталитаризма к демократии, как время разрыва с феодальным прошлым России. «В 1861 году в нашей стране отменили крепостное право. Несколько десятилетий пытались построить цивилизованное общество... В 1917 году опять вернулось крепостное право. И это во многом объясняет все, что происходит сейчас»⁵³.

Среди современных российских антизападников хотелось бы выделить С.Г. Кирдину, постулировавшую существование X и Y- матриц, т.е. восточной и западной модели развития. Развитие российского общества и государства в ее представлении жестко детерминировано социокультурной традицией, соответствующей X-матрице, отличающейся коллективизмом,

---

⁵² Бурдьё П. Социология политики. М., 1993.С.21.

⁵³ Ясин Е. Мы раздали собственность мирно - и это главное наше достижение// Знание- сила.2000. №4. С.15.

эгалитаризмом, идеей авторитарного «порядка», неприятием частной собственности. С. Г. Кирдина утверждает, что изменить принадлежность государства, социокультурной сферы общества к определенной матрице практически невозможно⁵⁴.

Этой концепции противоречит вся история Европы XX века. После второй мировой войны частью западной цивилизации стала Западная Германия. После распада Варшавского Договора и СССР институционально в состав западной цивилизации начинают входить страны Восточной Европы, в том числе Болгария, Эстония, Латвия, Литва. В недалекой исторической перспективе к этому процессу могут присоединиться Сербия, Украина и Белоруссия.

Менталитет восточнославянских народов, более того, народов православных, близок российскому менталитету. Европейский Союз и НАТО создают единое информационное, экономическое, а впоследствии, возможно, и культурное пространство от Великобритании до западных границ России. Логичным, исторически неизбежным представляется процесс воссоединения России и Европы, вхождения России в Единую Европу.

Для такого воссоединения есть объективные предпосылки. Главной исторической предпосылкой является принадлежность России к христианскому миру. Отход от архаического синкретизма, который, собственно, и обуславливает характеристики российской социокультурной традиции, изложенные Кирдиной, видится на путях поликонфессиональности, предполагающей создание равных рыночных, конкурентных условий для различных религиозных конфессий, усложнение

---

⁵⁴ Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2001. С.193.

общественной стратификации, повышение общего уровня толерантности в культуре и обществе.

За годы постсоветских реформ сформировалось первое свободное поколение россиян, первичная социализация которых прошла в условиях свободы, преимущественно ориентированное на включение России в мировую, т.е. западную цивилизацию. По данным ВЦИОМ поколение 18-23-летних ориентировано на индивидуалистический жизненный проект - общество успеха- (64%), в отличие от традиционной ориентации на общество социальной справедливости, равенства (36%)⁵⁵.

По свидетельству Р. Инглехарта, занимавшегося исследованиями ценностных структур стран, переживавших в XX веке бурные модернизационные процессы, система ценностей 18-24-летних становится доминирующей спустя 15-18 лет. Р. Инглехарт анализировал изменения ценностной системы в послевоенной Германии, Испании, Южной Корее, Японии⁵⁶.

В то же время некоторая адаптация к национальной социокультурной традиции является важным условием усвоения имплантированного инокультурного опыта, в том числе ценностей, отношений, символических смыслов и культурных кодов. Все это получило определенную ясность в последние десятилетия. До этого классические модернизационные теории предполагали необходимым условием создания общества модерна перестройку традиционного человека и его отношения к себе и социуму. Успешность модернизационных процессов в Японии и «новых индустриальных странах» Азии показала наличие определенной

---

⁵⁵ Семенова В.В. Дифференциация и консолидация поколений // Россия: трансформирующееся общество/Под ред. В.А. Ядова. М.: Канон-пресс-Ц, 2001. С. 269.

⁵⁶ Ядов В. А. А все же умом Россию понять можно//Россия: трансформирующееся общество / Под редакцией В. А. Ядова. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2001. С.9-21.

вариативности социокультурного перехода к обществу модерна, во всяком случае на определенном этапе исторической и социокультурной динамики. В то же время в Японии, стране, прошедшей большой модернизационный путь, социокультурная динамика начинает все больше синхронизироваться с социокультурной динамикой западной цивилизации. Этот процесс касается и изменения ценностной системы, моделей поведения, даже антропогенных характеристик личности. Японцы, в массе своей, стали гораздо более рослыми, чем до второй мировой войны, что связано с увеличением в пищевом рационе белковой пищи; стали ориентированными в большей мере на индивидуальные стратегии достижения жизненного успеха. Так, в частности, японские корпорации отказались от пожизненного найма на работу. Любая социокультурная традиция содержит консервативную и креативную составляющие. Креативная составляющая традиции обуславливает способность культуры генерировать новации, которые могут быть восприняты обществом на данном этапе своего развития. В странах, вставших на путь модернизации, но не завершивших модернизационный «проект», его успешное завершение в той мере, в какой оно вообще возможно, связано с использованием части собственной культурной традиции.

Вызов западной технологической цивилизации модерна породил разрыв в скорости процессов социокультурной динамики, радикального ее ускорения в пределах Западной Европы и столь же радикального отставания в других регионах Земли. Возникла колоссальная разность в потенциалах, уровнях экономического, социального развития, технологиях, энергетическом потенциале западной и незападных цивилизаций. Модерность характеризуется универсальными ценностями, которые находят свое выражение в социокультурных институтах.

Для успешной российской модернизации в течение ближайшей исторической перспективы необходимо поддерживать более высокий темп социокультурной динамики, чем темп, естественный для западных обществ «позднего модерна».

Исторические катастрофы в течение последних нескольких столетий случались в России из-за слишком долгого и упорного стремления сохранить историческую, политическую, экономическую и культурную самобытность. Стремительность социокультурной динамики в рамках западной цивилизации требовала столь же стремительной модерновой реакции. Российская власть и общество пытались найти рецепты ответа в традиции, в прошлом, использовать отжившие механизмы, приемы, социальные институты.

Для успешной российской модернизации в течение ближайшей исторической перспективы необходимо поддерживать более высокий темп социокультурной динамики, чем темп, естественный для западных обществ «позднего модерна».

Попытка замедления динамики, тем более консервация, стремление к которой находит свое выражение в русском самобытничестве, славянофильстве и евразийстве чревато взрывом, хаосом, революцией. После всякого торможения исторической и социокультурной динамики наступает период большого скачка, взрывного ускорения динамических процессов. Тогда то, что не находило своего решения в течение двух-трех сотен лет (например, вопрос отмены крепостного права), надо решить в ничтожные исторические сроки – в пять, десять, двадцать лет.

Успех в рамках большого скачка – явление весьма стохастичное, куда более позитивна модернизация в виде открытой эволюционной формы, когда перемены происходят постоянно. Возможность успешной модернизации заключается в поддержании максимальной открытости российской

социокультурной системы в течение длительного исторического периода. Актуальным становится вопрос о синхронизации темпов исторической и социокультурной динамики России с референтной цивилизацией модерности.

Известный российский философ, культуролог А.С. Ахиезер полагает, что «российское общество - это общество промежуточной цивилизации. Оно вышло за рамки традиционности, но так пока и не смогло перешагнуть границы либеральной цивилизации»⁵⁷.

---

⁵⁷ Ахиезер А.С. Российский либерализм перед лицом кризиса//Общественные науки и современность. 1993. № 1. С. 12.

ГЛАВА 3. СРЕДНИЙ КЛАСС КАК ПОТЕНЦИАЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

В общественном сознании, характерном для социалистических стран Восточной Европы, вступивших на путь интенсивной модернизации во второй половине 80-х годов прошлого века, существовала широко распространенная альтернативная система ценностей, конкурировавшая с государственной и партийной идеологией. Сохранение структур гражданского общества, большее или меньшее в различных восточноевропейских странах, во многом было обусловлено не столь долгим, как в СССР, временем существования социалистических режимов, их экзогенным характером, тем обстоятельством, что они дальше продвинулись по пути модернизации. Иной, отличной от сконструированной в СССР, была и социальная структура общества, характерная для государств Восточной Европы. Различные социальные группы, в том числе мелкие предприниматели, крестьяне-единоличники, беспартийная интеллигенция, поддерживали элементы экономической, религиозной политической и культурной свободы, зачатки многопартийности.

В результате большевистского эксперимента в СССР, гражданское общество было практически целиком уничтожено внутри страны, что было достигнуто репрессиями, прямым физическим уничтожением миллионов людей и массовой, многомиллионной эмиграции, вымывавшей из российского общества его лучшую часть. К горбачевским, ельцинским реформам Россия подошла, имея лишь рудиментарные зачатки гражданского общества, которое, тем не менее, сумело поддержать реформаторский курс.

Сил хватило на частичный демонтаж коммуитарной системы, но оказалось недостаточно для сопоставимого по эффективности с другими странами Восточной Европы перехода к свободному демократическому обществу, основанному на плодотворном использовании частной собственности и рыночных отношений.

Известный российский социолог Т. И. Заславская отмечает, что после массовых сталинских репрессий российское общество не смогло восстановить свой деловой и интеллектуальный потенциал. Правящая партийно-хозяйственной номенклатура уже не осознавала своих собственных интересов. Времени на созревание новой элиты не было, и умеренное реформаторское крыло номенклатуры выступило инициатором реформ⁵⁸. Повторилась известная российская ситуация, когда субъектом модернизации выступает государственная власть.

Особенностью новейшей российской модернизации явился личностный, кадровый голод, когда демократические, антикоммунарные реформы пришлось проводить руками второго эшелона партийной номенклатуры.

Начиная с реформ Петра I, российский модернизационный цикл разорван. Его инициирует и поддерживает государство, общество во многом играет комплиментарную, вспомогательную роль. Отсутствие механизмов, воспроизводящих модернизационный процесс, заставляет рассматривать потенциальных претендентов на роль субъекта модернизации.

В условиях России начала XXI века потенциальным претендентом на роль субъекта модернизации, способного рисковать, осуществляя рациональный жизненный выбор, является средний класс, основа будущего

---

⁵⁸ Заславская Т. И. Десятилетие российских реформ - и вот вам результат// Знание-сила.2000. №4. С.12.

гражданского общества. При условии достаточно стабильного развития экономики средний класс занимает, как правило, среднюю часть политического спектра, оставаясь достаточно индифферентным как к правому, так и к левому экстремизму. Представители среднего класса тяготеют скорее к мирным, эволюционным процессам, а отнюдь не к революционным переменам.

Согласно либеральной парадигме личность имеет собственные, отличные от интересов группы, интересы. Посредством активной автономной деятельности индивид способен сам отстаивать эти интересы наиболее эффективным образом.

Энтони Гидденс отмечает, что человек, склонный к культивируемому риску, способен усматривать непредсказуемую игру случая в обстоятельствах, которые воспринимаются другими людьми как стереотипные, не требующие творческой интерпретации. Возникающие инновации расширяют границы социально приемлемых жизненных практик. Отсутствие божественной предопределенности, стохастический фактор случайности «открывает» жизненную ситуацию, делает ее амбивалентной, способной разрешиться в результате творческой акции. В этом контексте культивируемый риск коррелирует с ценностными установками общественного сознания эпохи модерна. Это стратегия опоры на собственные силы личности, ее интеллект, возможность рационального жизненного выбора⁵⁹.

В странах модерна и постмодерна средний класс составляет большинство общества, до 70-80%, что автоматически делает его основным генератором массового потребительского спроса.

---

⁵⁹ Giddens A. The consequences of modernity. Cambridge Polity Press, 1990. P. 64.

Средний класс потребляет в массовом масштабе не только различные товары и услуги, но и продукты культуры. Средний класс является основным производителем и потребителем массовой, городской культуры, представляющей собой основу национальной культуры. При этом следует помнить о значительной культурной неоднородности российского среднего класса, что проявляется, в частности, в системе потребительских предпочтений: предприниматели, менеджеры, как правило, отдают предпочтение материальным благам, интеллигенция в значительной степени ориентирована на потребление продуктов культуры.

Т.И. Заславская, рассматривая социально-инновационный потенциал российского общества, отмечает его зависимость от обладания представителями средних слоев экономическими, политическими и культурными ресурсами. Четыре сферы социально-инновационной активности включают в себя хозяйственное предпринимательство, преобразование институтов социальной сферы, обновление идеологии и культуры, работу по апробации новых форм самоорганизации, формирование структур гражданского общества⁶⁰.

Важнейшими предпосылками возникновения и быстрого роста среднего класса являются высокий уровень урбанизации, степень диверсификации собственности, грамотность населения и уровень развития высшего образования.

Известный российский экономист В. Мау изложил свое видение социально-экономических предпосылок демонтажа советской командно-административной системы, либерализации социокультурной жизни в СССР в середине 80-х годов. Более трех четвертей населения сосредоточилось в

---

⁶⁰ Заславская Т. И. Социокультурный аспект трансформации российского общества// Социс. 2001. № 8. С.4.

городах, их человеческую, личностную основу составляли горожане во втором поколении. Урбанистическая культура характеризуется большей открытостью и способностью воспринимать инноватику, в том числе и в отношении мирового опыта эффективного общественного развития.

В последнее советское десятилетие существенно изменилась структура экономики и социальная стратификация. Менее 15% занятости приходилось на долю сельского хозяйства, около 50% граждан трудились в промышленности, строительстве, на транспорте, занятость в сфере услуг приближалась к одной трети от общего состава трудоспособного населения. Таким образом, социальная структура советского общества в большей мере соответствовала обществу модерна.

В поздний советский период происходит рост образовательного уровня в различных социальных группах советского общества. Уровень грамотности приблизился к 100%. Среднее образование приобрело всеобщий характер (порядка 90% населения старше 15 лет). Значительных размеров достигло и продолжало расти количество людей с высшим образованием (около 20% в средних возрастных группах), а также обладающих учеными степенями⁶¹.

Модернизация в России по ряду важнейших направлений, в том числе урбанизации, индустриализации, демографического перехода во многом уже состоялась, другой вопрос, что удалось достигнуть определенных количественных показателей, тогда как их качественное наполнение во многом отличается от референтного для общества модерна. Наметились серьезные изменения в системе ценностей, разделяемых российским обществом и, прежде всего, молодым поколением.

В последние десятилетия существования СССР сформировался значительный по своему составу протосредний класс. Его основой стала

---

⁶¹ Мау В. Экономическая реформа: сквозь призму конституции и политики. М., 1999.С.31.

интеллигенция, часть номенклатуры, а также люди из различных социальных слоев, занятые в так называемой теневой экономике. Значительная часть советской партийно-хозяйственной номенклатуры в годы горбачевских реформ конвертировала политический, управленческий капитал в капитал экономический.

Граждане СССР становились все более образованными, параллельно с этим происходил процесс увеличения импорта потребительских товаров, развитие сети чековой торговли (магазины системы «Березка»), увеличение туристических потоков, более свободное распространение ранее табуированной информации, достигаемое благодаря появлению новых технических средств. Все это размывало контроль над информационными потоками, и, как следствие, над социокультурной системой в целом. Все более наглядным становился технологический, цивилизационный разрыв с западной цивилизацией, что порождало чувство неудовлетворенности разной степени интенсивности в различных социальных группах. Чувство неудовлетворенности в значительной мере разделяли люди, составившие впоследствии ядро российского среднего класса. Многие из них были, в определенной мере, подготовлены к резкому ускорению процесса социокультурной динамики, характерному для первого постсоветского десятилетия. Часть советского протосреднего класса совсем не трагически переживала отказ от коммунистической идеологии, распад СССР, серьезные изменения нормативно-ценностной системы.

Средний класс является открытой системой, современное модернизирующееся российское общество актуализирует процесс социальной мобильности. Человек достигает определенного социального статуса благодаря собственным усилиям.

Для российского общества в течение последних десяти лет характерны радикальное усиление неравенства, изменения в стратификации, восходящая и нисходящая личностная и групповая мобильность. При переходе от советского к постсоветскому обществу ряд групп в силу различных причин не смогли сохранить свой статус в рамках среднего класса, для них была характерна нисходящая мобильность. Этот процесс затронул так называемую массовую интеллигенцию, сохранившую рабочие места в государственной сфере занятости, в том числе учителей, врачей, инженеров, работников культуры.

Данный процесс не носит необратимый характер как на личностном, так и на групповом уровнях. Личность может быть востребована в негосударственном секторе экономики, группа - получить более высокий уровень оплаты вследствие роста экономики и вызванных этим ростом возможностей государства.

В России начался процесс становления капиталистического рынка, который в своем классическом варианте способствует вертикальной мобильности личности, отбору способных и инновативных индивидов. Большая свобода личности в 90-е годы XX века была использована преимущественно для повышения частной прибыли тех, кто был способен действовать творчески, мобильно, отойти от коммунистических ценностей. Во многом именно на этих ценностных основах в России стал формироваться средний класс.

Средний класс неоднороден, ему присуща внутренняя гетерогенность. Концептуально «средний класс» подразделяется на две большие группы. Это традиционный средний класс, историческое ядро которого состоит из мелких и средних предпринимателей, т.е. лиц, работающих на своих предприятиях. Новый средний класс включает в себя менеджеров, специалистов, ученых,

фермеров. Положение нового среднего класса достаточно противоречиво, поскольку лишь часть из них является собственниками средств производства, другая часть выступает в качестве наемных работников. Отдельным группам среднего класса присуща как восходящая, так и нисходящая мобильность, что проявляется на различных этапах исторической динамики.

Категория среднего класса символизирует некую альтернативу биполярному образу общества, раздираемого антагонизмом наиболее богатых и бедных. Это социальная группа, способная стать основой гражданского общества и уберечь его от различного вида деструктивных проявлений. Классический западный средний класс эпохи модерна и постмодерна отличается ценностной рациональностью, приверженностью либеральным ценностям.

Для демократического устройства общества достаточно опасно глубокое социальное неравенство, подрывающее основы политической и экономической стабильности.

В современной России средний класс составляет около 1/5 части общества, что, учитывая динамику его роста, составлявшую в последние годы порядка 25% в год, вселяет некоторый исторический оптимизм, касающийся будущего России.

Российское общество начинает, пока еще довольно робко, вознаграждать людей по их личным заслугам, знаниям и мастерству, при этом достигается более эффективное использование способностей как личности, так и общества в целом. В начале российских реформ, ориентировочно до кризиса 1998 года, функцию управления экономическими субъектами выполняла нарождающаяся российская буржуазия: владельцы промышленных и сырьевых предприятий, торговых фирм и т.д. Затем стал намечаться все более отчетливый сдвиг в направлении передачи функции

управления менеджерам и специалистам. Это обстоятельство способствовало значительному укреплению экономического потенциала российского среднего класса, росту его численного состава. Важнейшей характеристикой среднего класса является его образовательный уровень. Образование открывает доступ на рынок труда.

В российской социокультурной сфере все отчетливее стала проявляться позитивная корреляция доходов личности и уровня ее образования, прежде всего высшего. Величина вознаграждения индивидов за способности, целеустремленность, личные инвестиции, трудоспособность все более отчетливо стала определяться уровнем образования. Рынок труда начал реагировать на становление капиталистической экономики.

Результаты исследования «Стиль жизни среднего класса» показывают, что более половины российских граждан с высшим образованием входят в состав среднего класса⁶². Более высокий уровень доходов, социального престижа, властных позиций, чем в целом по стране, является следствием более высокой квалификации, ее востребованности на свободном рынке труда.

Происходят позитивные изменения в области взаимоотношений личности и государственной власти. В перспективе возможны изменения в отношениях между представителями российского среднего класса и государством, уменьшение дистанции власти, когда человек начинает ощущать себя как налогоплательщик, заключающий социальный контракт с государством на эффективное и желательное недорогое управление.

В годы постсоветских реформ значительно активизировался процесс переориентации от коммунальных к индивидуалистическим ценностям.

---

⁶² Эксперт. 2002. № 25. С.68.

Для российского человека всегда важны были зависимость от внешней оценки, т. е. экстрообраза личности, от чувства долга, от вины, сострадания, нежелание выделяться из общей массы, выраженное в сентенциях типа: «Я такой, как все. От меня ничего не зависит» и т. д. Воспитание чувства зависимости от социума, властных структур начиналось в процессе первичной социализации и инкультурации личности, продолжаясь всю ее последующую жизнь.

Окончание XX века в России ознаменовалось изменением практики социализации и инкультурации личности, модели достижения успеха. Наметился переход от преобладающего усвоения общинных, коммунитарных ценностей к ценностям индивидуализма. В первое постсоветское десятилетие все большее количество россиян использовало новый механизм социальной легитимации успеха.

Становление новой ценностной системы у «поколения свободы» ставит под сомнение многочисленные утверждения о перспективах и, более того, о неизбежности особого пути России.

Ускорение социокультурной динамики последнего десятилетия, свидетелями и участниками которого мы все являемся, внесла элементы неопределенности, несогласованности институциональной и ценностно-нормативной систем, что объясняется различной интенсивностью допустимых перемен для различных систем. Для российского среднего класса характерна определенная дихотомичность между успешными социально-экономическими адаптационными практиками, с одной стороны, и нормативно-ценностной системой, сохраняющей рудименты эгалитарной социокультурной традиции, с другой.

В 1994-2000 годах в ряде областей Центральной России институтом социологии РАН проводился мониторинг экономического положения и

здоровья населения. Столкнувшись со значительным ухудшением собственного материального положения вследствие потери работы, невостребованности, низкого уровня оплаты около 70% респондентов выбрали «стратегию выживания», т.е. экономии на питании, одежде. Был сделан выбор в пользу самоограничения, культуры бедности, коннотирующий с патриархальной российской (православной) традицией⁶³ :

Известный французский социолог П. Бурдьё отмечает, что люди часто «придают непропорционально большое значение раннему опыту». Возникает своеобразный инерционный эффект, характеризующийся стереотипизацией поведения людей, которые пытаются использовать адаптационные модели поведения, которые хорошо работали в прошлом, но стали совершенно неэффективными в новых условиях⁶⁴ : Социализация и инкультурация старших возрастных групп россиян проходила в совершенно иных условиях, на ином отрезке социокультурной динамики. Усвоенные в молодости ценности, поведенческие стереотипы оказались неэффективными в качестве адаптационных моделей поведения.

Значительная часть российского общества в 90-е годы XX века пребывала в состоянии социального анабиоза и анемии, что явилось следствием трудностей в адаптации к радикальному ускорению социокультурной динамики.

Около 20% выбрали стратегию активных действий, т.е. получили новую специальность, открыли собственное дело и т.п.⁶⁵ . Эти данные коррелируют с

---

⁶³ Козырева П.М., Герасимова С.Б., Киселева И.П., Назимова А.Э. Динамика социального самочувствия россиян//Россия: трансформирующееся общество. М.:Канон-Пресс-Ц,2001. С. 253.

⁶⁴ Бурдьё П. Социология политики. М., 1993.С.27.

⁶⁵ Козырева П.М., Герасимова С.Б., Киселева И.П., Назимова А.Э. Динамика социального самочувствия россиян//Россия: трансформирующееся общество. С. 253.

наблюдениями Е.М. Авраамовой о ядре среднего класса, оцененном в 20 - 25% населения России⁶⁶.

Современное российское социокультурное пространство переживает глубокую трансформацию, оно в значительной степени хаотизированно. Принадлежность к среднему классу определяется, прежде всего, использованием личностью позитивных адаптационных моделей, которые соответствуют сложившимся экономическим, политическим и культурным условиям. Позитивные модели адаптации используются представителями российского среднего класса. Утрата ощущения общественной стабильности и устойчивости социального положения человека является неизбежным следствием глубоких модернизационных перемен последнего десятилетия, тем более что значительным изменениям подвергается нормативно-ценностная система общества.

В 1996-2000 годах (за исключением нескольких месяцев после августовского кризиса 1998 года) среди опрошенных социологами россиян число людей, считавших необходимым продолжение рыночных реформ, превышало число желающих их прекращения. Эти люди составляют относительное большинство в современной России. Около трети взрослого населения выступают фактически за модернизацию⁶⁷.

Особо хотелось бы отметить ключевое для самого существования среднего класса значение достигнутого уровня урбанизации. Формирование среднего класса происходит на основе советского наследия, урбанизационный переход в России произошел еще в советский период, прежде всего в своих количественных характеристиках. Существенное

---

⁶⁶ Авраамова Е. М. Появился ли в России средний класс// Средний класс в современном российском обществе. М.,1999. С.12.

⁶⁷ Дилигенский Г.Г. Люди среднего класса. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2002. С.28.

изменение качественных характеристик, когда ядро горожан составляют жители городов в третьем, четвертом поколении, формирование городской культуры требуют большего исторического времени. В постсоветский период возникла явная корреляция между численностью среднего класса, уровнем его доходов, властных позиций, уровнем образования, с одной стороны и степенью урбанизированности определенного региона, с другой. Чем выше плотность населения, тем больше возможностей творческой интерпретации новых социокультурных условий, выбора моделей поведения, выше вероятность востребованности высокого образовательного, профессионального уровня личности и, как следствие, более высокий уровень доходов.

В повседневную жизнь россиян входят новые ценности, целевые установки, утверждаются новые жизненные практики и модели поведения.

Уровень экономического развития, темпы экономического роста в России во многом оказывают решающее влияние на становление политической демократии, формирование сильного среднего класса, воспитания в обществе толерантности в отношении различных вероисповеданий, приоритета интересов личности. На наших глазах и при нашем участии происходят процессы формирования, экономического, политического и культурного становления российского среднего класса. Перефразируя Маркса, можно сказать, что в процессе модернизации средний класс выступает могильщиком архаической части социокультурной традиции российского общества.

ГЛАВА 4. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ПРОДОЛЖЕНИЕ МОДЕРНИЗАЦИОННОГО ПРОЕКТА

Как отмечает Энтони Гидденс, критика Просвещения, выражением которой и является теория постмодернизма, может восприниматься как развитие современной, т. е. современной философской, научной, художественной мысли. Глобализация является современным нам этапом развертывания единого и универсального «проекта модерна»⁶⁸. Глобализация, проявляющаяся в движении к универсальному экономическому, правовому, информационному, образовательному и, в конечном счете, культурному пространству, является этапом модернизации.

Глава Мирового банка Джеймс Вулфенсон дал свою оценку процессов глобализации: «Глобализация делает из мира единое глобальное образование. Национальное и интернациональное сливаются. Вспомните последний финансовый кризис, СПИД, глобальное потепление. Быстрое развитие технологии изменяет наш стиль жизни и стиль ведения бизнеса. Наблюдается невиданный расцвет частного сектора - частные потоки капитала, например, в развивающиеся страны теперь как минимум в пять раз превышают западные правительственные источники финансирования этих стран. В бедных странах происходит быстрая урбанизация, появляется гражданское общество, развивается демократия - и власть постепенно переходит от центрального правительства на местный уровень. Страны, которые смогут воспользоваться этими тенденциями, совершат невиданный скачок вперед. Те страны, которые не хотят меняться, остаются в стороне от интеграции, деградируют. Их отсталость возрастет, их неравноправное положение по отношению к другим

---

⁶⁸ Giddens A. The consequences of Modernity. Cambridge. Polity Press, 1990.

странам усугубится»⁶⁹. Вулфенсон прежде всего практик, эмпирик, он не может позволить себе идеологических рассуждений о многообразии модерна, возможности не развиваться, о множественности глобализаций. Речь идет о достаточно цельном, векторном потоке перемен, представляющем собой движение к взаимосвязанному, взаимодополняющему миру, основанному на институтах и ценностях западной цивилизации.

С нашей точки зрения глобализация представляет собой процесс формирования либеральной цивилизации во всемирном масштабе, прежде всего в институциональной и, в несколько меньшей степени, ценностно-нормативной части, ведущий к максимальной проницаемости границ национальных социокультурных систем, их контекстуализации, когда ряд функций национальной системы передается на транснациональный уровень, к открытости каналов межкультурной коммуникации.

Н. Луман разрабатывает свою теорию социальных систем. Он приходит к выводу, что социальная система представляет собой воспроизводство коммуникаций. «Социальная система устанавливается всегда, когда осуществляются аутопоиетические отношения коммуникаций, которые отделяются от внешней среды системой через ограничение соответствующих коммуникаций. Социальная система состоит, таким образом, не из людей или действий, а из коммуникаций»⁷⁰.

Важнейшей внешней ограничительной линией для социокультурной системы являются внешние (государственные) границы. Политика европейской интеграции, строительство единого экономического, политического, информационного пространства меняет функцию

---

⁶⁹Цит. по: Минаев С.В. Глобальная экономика: 2000 год: Аналит. обзор / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. глобал. и регионал. пробл. Отд. Азии и Африки; М., 2001 г. (Сер.: Глобал. пробл. современности). С.-8.

⁷⁰ Луман Н. Глоссарий// Социологический журнал. 1995. №3.С.127.

государственных границ. В процессе исторической, социокультурной динамики меняется основное функциональное назначение европейских границ от отчуждения (отчуждающие границы) к интеграции (интеграционные границы). Границы во многом теряют функцию линии разделения, на первый план выходит контактная функция, т. е. границы во все меньшей степени сдерживают интенсивность межкультурной коммуникации.

Согласно концепции основных форм общественной практики, предложенной Д. Харви, материальные, интеллектуальные, информационные потоки, обеспечивающие общественное воспроизводство, качество трудовых ресурсов социума, во все большей степени определяют функциональность государственных границ⁷¹.

Развитие, жизненная потенция социокультурной системы неотделимы от процесса познания, который в немалой степени определяется открытостью коммуникационных каналов, связывающих систему с внешней средой. Это информационные, человеческие (туризм, обмены и т. п.), материальные (вещные) потоки, т. е. все, что относится к возможным видам культурной, экономической, личностной коммуникации. Социокультурная система ограждается от внешней среды путем контроля, ограничения свободы передвижения в системах коммуникаций. Данное ограничение применительно к национальной общности, локальному социуму в границах определенного государства было характерно в течение почти всей российской истории. Московское царство, Российская империя, СССР ограничивали связи с внешней религиозной, социальной, культурной средой. Таким образом, достигалось воспроизводство культурной, социальной, религиозной

---

⁷¹ Harvey D. The Condition of Post-Modernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change. Oxford, 1989

идентичности, замедлялись процессы культурной и социальной динамики. Консервативная традиция, ее доминирование над инновацией, имеющей часто экзогенное происхождение, долгое время определяли развитие российского общества и государства.

«В современном мире картину изменений в жизни стран и народов, человечества в целом невозможно понять, игнорируя рассмотрение современного мира через дуальную оппозицию «традиционная - либеральная суперцивилизация». Место любой страны в мире, ее важнейшие процессы могут и должны осмысляться через эту дуальную оппозицию»⁷².

Глобализация дает российской модернизации еще один, пожалуй, наиболее значительный шанс, для преодоления цивилизационной амбивалентности, включения России в либеральную суперцивилизацию.

Одна из причин ограничения, контроля над культурными, экономическими, политическими и иными коммуникациями как внутри российской социокультурной системы, так и на ее внешних границах заключается в критически высокой степени хаотизации социокультурного целого. Целый ряд особенностей российской социокультурной системы восходит к синкретическому идеалу, который, во многом, является архаическим, догосударственным⁷³.

В постсоветский период актуализирована большая степень автономности подсистем в рамках российской социокультурной системы. Важнейшей модернизационной задачей является максимально возможная дифференциация, разрушение архаического синкретизма в культуре и обществе, все более сложная социальная стратификация. Движение к универсализму во многом тождественно движению к либерализму в

---

⁷² Ахиезер А.С. Как «открыть» закрытое общество. М.: Магистр, 1997.С.30.

⁷³ Яковенко И.Г. Государство: дополнительность социокультурного анализа// Россия: трансформирующееся общество/ Под ред. В.А. Ядова. М.: Канон-пресс-Ц, 2001. С.167-179.

социокультурной сфере, десакрализации окружающего мира, секуляризации общественной жизни, господству рационального мировоззрения, приоритету прав личности.

Российское общество во многом является переходным, его нельзя характеризовать как сугубо традиционное, но в полной мере оно не является и обществом модерна. Традиционализм актуализируется в моменты резкого ускорения социокультурной динамики, проявляясь в спонтанных адаптационных реакциях личности. В течение XX века в России модерность перестала быть лишь некоей умозрительной проекцией будущего, ее отдельные элементы стали частью повседневной жизни. Чтобы двигаться вперед, выдерживать достаточно высокую интенсивность социокультурной динамики, необходимо осознание того, что Россия является частью европейского мира, во всяком случае, именно в этом направлении развивается российская социокультурная система с момента начала реформ Петра I. Хотелось бы в этой связи привести ободряющие слова Питирима Сорокина: «Замена одной фундаментальной формы культуры на другую не ведет к гибели того общества и его культуры, которые подвергаются трансформации»⁷⁴.

Человеческой личности свойственно отождествлять себя с чем-то более устойчивым, длительным и фундаментальным, чем конечная человеческая жизнь; присуща тяга к солидарности, групповой идентичности. Стремление к трансвременной культурной идентичности вплоть до начала Нового времени в Европе выражалось в религиозных чувствах, дающих ощущение личностного бессмертия.

---

⁷⁴Цит. по: Россия: трансформирующееся общество/Под ред. В.А. Ядова. М.:Канон-пресс-Ц, 2001.С.131.

С началом Нового времени религиозная коллективная идентичность ослабла, роль замещения божественного дискурса начинает во многом играть национальная идентичность. Человек стал отождествлять себя с нацией, которая отчасти удовлетворяла тягу человека к бессмертию путем ассоциирования себя с этой трансвременной сущностью, происходил процесс замещения религиозного чувства национальным, «десакрализации» мира. В эпоху модерна происходит все более радикальный разрыв между христианскими, по своей генеалогии, структурами и их новым, секулярным содержанием.

Сегодня, в период позднего модерна, начинается очередной этап изменения коллективной идентичности, на смену национальной идентичности приходит идентичность, определяемая элементами глобальной массовой культуры.

Этот процесс обусловлен различными причинами, прежде всего намечающейся редукцией, сведением функций национального государства к функциям местного самоуправления (почтовая связь, часть системы образования, полицейские функции и т.д.). Важнейшая из них – полнота геополитического суверенитета на своей территории – подвергается радикальному переосмыслению, деактуализируется. В период позднего модерна все меньшее число государств может всерьез говорить об обеспечении национальной безопасности при помощи вооруженных сил; экономическое, образовательное (дистантные формы образования), налоговое пространство во все большей степени приобретают надгосударственный характер, во все меньшей степени контролируются на национальном уровне.

Коллективная идентичность начинает выходить за рамки национальных границ, приобретает глобальные формы. Это повышает уровень свободы, переструктурирует национальные сообщества и культурные традиции.

Формы социальной престижности, референтные модели поведения, нормы и ценности моделируются и транслируются в рамках складывающегося глобального информационного и культурного пространства. Человек обретает иллюзию приобщения к трансвременной форме потребительской общности, например, любителей кока-колы, что представляет собой определенную редукцию в сравнении с религиозной солидарностью и идентичностью, характерной, например, для европейских Средних веков. Все это в большей мере относится к западной цивилизации позднего модерна.

Появилась возможность отождествлять себя с глобальными транскультурными проявлениями социальной солидарности, которые в значительной мере замещают собой более ранние идентификации с мировыми религиями и нациями, национальными государствами.

Вектор исторической динамики переместился от институционализированных, вертикально интегрированных форм социальной солидарности к сетевым формам, общественным движениям, глобальным нормам, моделям поведения, ценностным системам. Человек эпохи позднего модерна может отождествлять себя с транснациональными движениями, в том числе антиглобалистов, экологов (Гринпис), сексуальных меньшинств, молодежных движений неконформистского типа, с владельцами автомобилей, стиральных машин, шампуня, с потребителями определенных референтных марок товаров и услуг. Человек может выступать как владелец дома, построенного по определенному проекту, автомобиля определенной модели, делать выбор между огромными потребительскими общностями любителей пепси или кока-колы, болеть за футбольную команду, часто не представляющую национальное государство, гражданином которого он является, солидаризируясь с болельщиками данного клуба и т.п.

Более того, новые формы самоидентификации и солидарности представляют собой отождествление с культурными продуктами, производимыми киноиндустрией, шоу-бизнесом и распространяемые средствами массовой коммуникации и информации в глобальном масштабе. Личность может осознавать себя как часть престижной социальной группы, которая создается и воспроизводится при помощи рекламы в самых различных формах.

Стремление к личному бессмертию находит свое воплощение в гетерогенной солидарности. Идейным основанием модернизации и глобализации, как ее этапа, является христианский универсализм (нет ни эллина, ни иудея). Модернизация представляет собой векторное изменение социокультурной сферы, уменьшение локальной и возрастание универсальной составляющей, мегатренд от локализма к универсализму. Глобализация актуализирует универсальное и способствует деконструкции национального, локального.

Глобализация является продуктом ускорения социокультурной динамики в масштабе всего мира, что приводит к расположению географически, социально, культурно удаленных локальностей в единый пространственно временной континуум, в единое пространство причинно-следственных связей⁷⁵.

Модернизация предшествующей эпохи породила глобализацию. Глобализация, по всей видимости, при определенных условиях сможет стать источником и ресурсом модернизации, инициируя кардинальные изменения жизненного мира, в которых западные общества были первопроходцами. Это длительный исторический процесс, включающий в себя ряд определяющих элементов культурной и общечеловеческой эмансипации.

---

⁷⁵ Giddens A. The consequences of modernity. Cambridge. Polity Press, 1990. P.64.

Этап глобализации, свидетелями которого мы являемся, не столь велик, чтобы можно было говорить о линейном характере глобализационных процессов. Глобализационные процессы во многом представляют собой синтез поступательной и инверсионной динамики, вызываемой, например, обвалами на региональных фондовых рынках, когда происходит процесс резкого уменьшения мобильности финансового капитала. Процессы глобализации носят открытый, неравновесный, нелинейный характер, что во многом определяет особенности национальной социокультурной динамики. Исторические, социокультурные альтернативы, которыми мы можем оперировать, имеют определенное предельное значение, определяемое суммой причинно-следственных связей, накопленных в процессе диахронного развития.

Говоря о глобализационных процессах, необходимо избегать их редукции к модели «макдонализации» мира; интересы международного, транснационального бизнеса, выражающиеся в максимализации прибыли, требуют учета сложившихся национальных культурных особенностей, поскольку успешное продвижение на национальные рынки универсального потребительского продукта как в сфере материального, так и духовного (культурного) потребления, требует интерпретации в духе национальной социокультурной традиции.

На рубеже веков наметилась тенденция к формированию единой протоцивилизации модерности, когда институты и в некоторой мере ценности западного мира становятся референтными для значительной части незападного человечества. Мы являемся свидетелями не завершения, а начала этапа глобализации, когда частное, локальное во многом начинает уходить на периферию истории, выполняет компенсаторную, дополнительную роль. Процессы глобализации являются силовыми обручами, скрепами

планетарной общности людей, человечества как целого, когда любое значимое событие в любой точке Земли становится достоянием единого информационного пространства, предполагая если не реакцию, то хотя бы формирование определенного общественного мнения. Процессы мирового разделения труда в мире, где главенствует западная капиталистическая цивилизация, вряд ли могут быть равноправными и справедливыми, так как это не входит в правила игры, которые задаются сильнейшими. Страны западной цивилизации имеют почти полную монополию на так называемые «закрывающие технологии», которые не только могут приносить своим владельцам сверхприбыль, но и экономически уничтожать конкурентов, закрывая целые отрасли экономики. Они имеют возможность производить товары с максимальной добавленной стоимостью, экспортировать новые технологии, выносить производство значительной части материальной продукции за пределы национальных границ. Новые индустриальные страны вынуждены импортировать технологии, в значительной мере оплачивая научно-технический прогресс в постиндустриальной капиталистической экономике, прежде всего в США. Они могут производить и продавать продукцию с меньшей добавленной стоимостью. Развивающиеся страны, страны третьего мира вынуждены продавать сырье, т. е. продукцию первого передела, для которой свойственна минимальная добавленная стоимость. Эта неэквивалентность обмена вызвана базовыми, системными причинами. Наиболее проблематичен переход стран в постиндустриальную группу, поскольку достижение этой задачи выходит далеко за рамки индустриального рывка, который, в частности, продемонстрировали миру новые «Азиатские тигры». Индустриальные усилия, использование чужих технологий неизбежно ведут к дальнейшему формированию и укоренению индустриальной цивилизации. Для движения в сторону постиндустриализма

необходима собственная творческая интерпретация проблем научно-технического прогресса, разработка собственных технологий. Поскольку именно этот путь дает возможность за счет максимальной добавленной стоимости получать максимальную прибыль и добиваться максимальной эффективности.

Западная цивилизация модерности является локомотивом мирового развития, ускорения социокультурной динамики в планетарном масштабе. Господство модернистской парадигмы, предполагающее ускоряющуюся турбулентную гонку капитализма, при которой скорость изменений достигает некоторой критической отметки, в том числе и в отношении адаптационных возможностей человеческой психики. Медицинская статистика сообщает о значительном росте психиатрических, психосоматических заболеваний, свидетельствующих о том, что человек просто не успевает адаптироваться к потоку социокультурных изменений, когда нет ничего постоянного, когда риск приобретает системный характер.

Вещный, предметный мир постепенно теряет свою определенность, длительность существования, ускоряется изменение моды, практически каждый год обновляются модельный ряд технических устройств, используемых человеком. Неким идеалом стала одноразовая вещь, которую после однократного или крайне непродолжительного использования во имя дальнейшего развития экономики можно и даже нужно просто выбросить. Перманентный экономический рост, требует для своего поддержания все большего количества ресурсов, многие из которых являются невозполнимыми, приводит к загрязнению окружающей среды. Климатические изменения также во многом являются следствием постоянного роста производства и потребления.

Модели, в которых рассматривается развитие этих тенденций в течении

ближайшего столетия наглядно свидетельствуют о том, что данная система не может устойчиво развиваться в течение сколько-нибудь длительного времени. Вступают в действие ресурсные, экологические, социальные ограничения, происходит общее истощение, деградация всех природных систем, и, как следствие, под вопрос ставится не только достигнутый качественный уровень жизни, но и физическое выживание значительной части человечества. Экологи, антиглобалисты предлагают в связи с этим пойти на замедление темпов роста, перейти от экспансии, расширенного воспроизводства человечества к простому воспроизводству, сбалансированному с возможностями природной среды. Эти взгляды во многом близки традиционным воззрениям, господствующим в более традиционных, незападных цивилизациях, которые предполагают более гармоничное сосуществование человека и природной среды.

В наступившем столетии человечество оказалось перед сложным и крайне важным по своим последствиям выбором, двумя путями развития. Первый предполагает дальнейшее ускорение экономического развития, социокультурной динамики, что в среднесрочной перспективе ведет к катастрофическим последствиям для биосферы планеты, в том числе и для человечества. Второй путь предполагает переход к более статичному состоянию социума, которое характеризуется не только использованием новых, ресурсосберегающих технологий, а предполагает замедление всех присущих человечеству форм динамики, уход от идеологии прогресса.

Эти пути развития отнюдь не являются конфликтом «хорошего с лучшим», столь характерным для художественного метода социалистического реализма, оставляя мало места для исторического оптимизма.

При рассмотрении биосферы, ресурсного потенциала планеты Земля в целом, как закрытой системы, оба пути представляют собой

трудноразрешимую дилемму. Этот выбор актуален для закрытых, равновесных систем и становится менее актуальным при рассмотрении нашей сегодняшней среды обитания как открытой и неравновесной системы.

Западная цивилизация, нацеленная на взрывное развитие, которое по определению является синонимом жизни, понимаемой как экспансия, является единственным поводом для человечества, способным буквально вытолкнуть его в космос, начать новую великую эпопею космической колонизации. Во Вселенной достаточно материи, которая может послужить ресурсной базой для дальнейшей экспансии капиталистической экономики и человечества, которое представляет, в данном контексте, западная цивилизация модерности. Экономический человек получает привычную материальную мотивацию, во многом аналогичную той, что двигала людьми в процессе колонизации на планете Земля. Именно отсутствие гармонии, практическое уничтожение биоценоза планеты Земля, т. е. во многом «самоедский» характер западной цивилизации может привести либо к серьезнейшему системному кризису человечества, либо, в качестве позитивной альтернативы, к космической экспансии.

Вероятно, не случайно начало модернизации совпало с великими географическими открытиями и с «замыканием» планеты кругосветной экспедицией Магеллана, а начало глобализации - с выходом человека в космос, давшим возможность увидеть всю планету и инструментально работать в планетарных масштабах⁷⁶.

Глобализация является очередным этапом процесса модернизации и в исторической перспективе ведет к формированию единого человечества, объединенного посредством экономической, информационной, возможно и «полицейской» интеграции.

---

⁷⁶ М.В. Ильин, В. Л. Иноземцев. Мегатренды мирового развития. М.: Экономика, 2001. С.10.

Согласно прогнозам демографов, рассматривавших потенциал роста населения по отдельным регионам и в целом по планете, его численность должна достичь исторического максимума к концу XX века, после чего начнется длительный исторический процесс депопуляции человечества. Рост народонаселения в течение всего этого периода будет достигаться за счет развивающихся стран, с их более низким уровнем доходов на душу населения, образования, медицинского обслуживания, неравноправным положением женщины, т. е. развивающиеся страны в течение некоторого времени будут продолжать следовать своим социокультурным традициям. В северных регионах Земли уже сегодня превалирует и в течение этого столетия окончательно утвердится совершенно иная модель человеческого воспроизводства, предполагающая нуклеарную семью с одним ребенком, что не обеспечивает простого количественного воспроизводства населения.

В наступившем XXI веке незападные общества обладают громадным демографическим потенциалом, представляя собой массу людей, обуреваемых материальными соблазнами, воспринявших достижительную модернистскую мотивацию, динамичных, но в массе своей по вполне объективным причинам не могущим получить того, что внутренне воспринимается ими как необходимое для достойной, модернистской жизни, успешной реализации личностного жизненного проекта. Разница демографических потенциалов создает угрозу конфликта по линии Север-Юг, а в более отдаленной исторической перспективе становится вполне реальной угрозой растворения западного, модернистского, фаустовского человечества в океане более инертного незападного большинства. Процессы глобализации способствуют созданию своеобразных групп поддержки, неопитов Запада, воспринявших не только его институциональную среду, но и часть ценностей, организацию повседневной жизни, модели поведения. Именно эта, наиболее

вестернизированная часть незападного мира становится шансом западной цивилизации сохранить культурную преемственность при изменении этнического, расового соотношения между различными частями человечества. Здесь уместно провести историческую аналогию между Древней Грецией и Римом, когда процесс культурной экспансии привел к восприятию культурной греческой традиции как общей традиции античности. Нечто подобное на новом витке исторического развития вполне может произойти и в отношении модернистской западной социокультурной традиции и в этом, по всей вероятности, и заключается великая историческая миссия глобализации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данная монография посвящена вопросам теоретического осмысления этнической и национальной культуры в контексте исторической и социокультурной динамики, российских модернизационных процессов, историческому переходу от традиционной к современной социокультурной системе.

Модернизационные процессы в России тормозились отечественной социокультурной традицией, что во многом определялось как отторжением инноватики, характерным для традиционного общества, так и ускорением социокультурной динамики, характерным для западной цивилизации, что вызывало и потребность в адаптации, и противодействие ей.

Уникальность России, уникальность любого модернизирующегося общества не отменяет базовые парадигмы перемен. Каждое общество меняется, но флуктуации этих перемен не отменяют общей векторности развития. Россия не станет копией Франции или Германии, но станет технологичным, информационным, открытым обществом.

Попытки навязать российскому обществу идеологию самобытничества и изоляционизма не являются позитивной альтернативой, которая вряд ли возможна в условиях современного мира, где формируется единое информационное пространство. Глобальный взаимообмен идеями, технологиями, знаниями становится определяющим фактором исторического развития человечества, идущего по пути создания единого культурного пространства.

Российская модернизация, начиная с Петровских времен, была обращена к технологиям, техническим достижениям, совершенствованию военной промышленности, утилитарному «наращению мускулов» государственности. Технологические новации находились в состоянии жесткого противоречия с докапиталистическими, патриархальными ценностями общества. Достаточно вспомнить петровские мануфактуры, где технологические нововведения соседствовали с трудом крепостных рабочих. В течение длительного времени происходило «техническое перевооружение» традиционного общества, тогда как основные социальные механизмы и ценности не претерпевали существенных изменений. Процесс модернизации носил «облегченный» характер, не затрагивая глубинные ценностные основания жизни.

Цивилизационная модель, впервые возникшая в Западной Европе, распространяется по миру и трансформируется в зависимости от страны и региона. Модернизируясь, Китай, Япония, Польша или Россия не утрачивают

своих культурных различий. В культурных и институциональных терминах понятие модерности отличается многообразием, но интерпретация основных характеристик модерности не отменяет их универсализма. В самом деле, варианты современного общества предложены не только странами, относящимися к западной цивилизации, но и Японией, другими странами Юго–Восточной Азии.

В начале XVII века новые социокультурные институты, изменившаяся институциональная среда преобразили облик традиционной, средневековой Европы. Гражданское общество и национальное государство создают комплиментарные институциональные структуры. Формирование модерности, которая изначально, по определению была европейской, происходило вследствие социокультурных изменений, которые поддерживали и усиливали друг друга в процессе взаимодействия.

Глобальная массовая культура, кроме утилитарных задач, связанных с получением прибыли, способствует решению глобальной исторической задачи, артикулированной западной цивилизацией. Эта задача состоит в формировании единообразной модерности, создании единой мировой цивилизации, которая основывается на ее ценностно-нормативной системе, моделях поведения, производства и потребления.

Потоки информации, продукты культуры, прежде всего массовой, имеют четко выраженное движение от центров к периферии. Глобальная культура выступает в роли «донора» по отношению к национальным культурам, относящимся к периферийной области модернизационного процесса.

Новая культурная реальность предлагает универсальный набор ценностей смыслов, стереотипов поведения. В ее рамках существует ряд

субкультур. Каждая из них по-своему пытается интерпретировать современность в контексте новых исторических реалий.

Изменилась сама природа модерна. Отчетливо наметилась тенденция размывания культурной идентичности, в том числе национальной. Глобальная массовая культура дает новую, уникальную в рамках модерна возможность быть современным, не будучи национальным. Формируется новая, глобальная культурная идентичность, появилась возможность отождествлять себя с экологическим, антиглобалистским, феминистским и религиозными движениями, имеющими транснациональный характер.

Выходящая за рамки национальных государств культурная идентичность имеет институциональную основу. Интеграционные процессы, ограничение национального суверенитета характерны как для Европы (Европейский союз), так и для других регионов мира.

Все это отнюдь не означает радикального отказа от национальной культуры, культурной традиции. Они получают новую интерпретацию в рамках формирующейся глобальной массовой культуры. Интерпретация эта вызвана потребностями, интересами как институциональных, так и не институциональных международных движений и структур.

Процессы трансформации, переживаемые культурой, ассоциируются с тем, что происходило в Европе при становлении модерности (первые буржуазные революции, начало Нового времени). Тогда речь шла о замещении национальным религиозного чувства, о «десакрализации» мира. Возникли новые формы общественной жизни, основанные на свободных размышлениях об обществе. Манифестированные в Новое время формы организации социокультурной сферы долгое время не соответствовали реальной практике. В политической сфере модерность установилась в

Западной Европе лишь после окончания второй мировой войны, когда в орбиту Евро-Атлантического мира вошла Западная Германия.

В политической сфере организации социума в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе, в странах, возникших на месте бывшего СССР, институты модерности стали реалиями только на рубеже XX и XXI веков.

Переход к модерности для разных частей Европы не одномоментный акт творения, а процесс, который охватывает всю «современность» от ее первых ростков в виде буржуазных и промышленных революций до настоящего времени.

В заключение хотелось бы привести мнение А.С. Ахиезера, весьма точно определившего промежуточный, инверсионный тип российского общества. «Существует два типа обществ, два типа цивилизации. Западная либерально-модернистская суперцивилизация нацелена вплоть до уровня повседневности на достижительные ценности, на постоянное развитие способности личности, всего общества обеспечивать свою выживаемость в процессе собственного развития. Это не значит, что там ритмы истории вообще исчезли. На Западе их можно видеть в периодическом колебании электората от попыток заставить власть расширять массовые социальные программы и до противоположных попыток - приблизить власть к программам развивать производство, источники богатства. (Однако масштабы и последствия этих циклов трудно сравнивать с российскими циклами). К этому циклизму тяготеют возрастающее количество стран и народов. Существуют традиционные общества, которые пытаются сохранить основы традиционализма, веру в возможность жить по мифологическим циклам, пытаясь их сочетать с достижительными ценностями. К этим странам можно было причислить и Россию, но с одной важной оговоркой. В России не сложились эффективные институты, способные обеспечить бесконфликтное

сотрудничество, диалог между ценностями сообществ, ставших на путь модернизации традиционного типа, и ценностями идеологического общества, не выявилась достаточно развитая способность преодолевать исторически сложившийся в стране раскол между архаичной и достижительной культурами»⁷⁷.

Российская социокультурная система по-прежнему представляет собой сложное переплетение элементов отсталости и развития, традиционализма и модернизации, динамики и застоя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абельс Х. Интеракция, идентичность, презентация. Введение в интерпретативную социологию: Пер. с нем. СПб.: Алетейя. 2000. 272с.
2. Акимкин Е.М., Дридзе Т.М., Цой Л.Н. Опыт согласования интересов конфликтующих сторон// Россия: трансформирующееся общество/Под ред. В.А. Ядова. М.: Канон-пресс-Ц, 2001. С.576-589.
3. Альтер П. Этапы образования государств в Европе//Этнос и политика: Хрестоматия/Авт.-сост. А.А. Прусаускас. М.: УРАО, 2000. С.155-156.

---

⁷⁷ Ахиезер А.С. Социокультурные механизмы циклов культуры//Искусство в ситуации смены циклов: Междисциплинарные аспекты исследования художественной культуры в переходных процессах. М.: Наука, 2002. 467с.С.116-135.

4. Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. 2 Зарубежная политическая мысль. XX в./Нац. обществ.- науч. фонд. Акад. полит, науки; Руководитель проекта Г. Ю. Семигин и др.; Ред.- науч. совет: председатель совета Г. Ю. Семигин и др. М.: Мысль, 1997. 830с.
5. Антропология насилия (Отв. ред. В.В. Бочаров, В.А. Тишков). СПб.: Наука, 2001. 532 с.
6. Антропология насилия/Отв. ред. В.В. Бочаров, В.А. Тишков. СПб.: Наука, 2001. 532 с.
7. Арндт Х. Истоки тоталитаризма: Пер. с англ. М.,1996. 672с.
8. Артемов Г.П. Политическая социология: Учебное пособие. М.: Логос, 2002. 280с.
9. Арчер М. Реализм и морфогенез//Теория общества: Сборник/Пер. с нем., англ./Вступительная статья, сост. и общая ред. А.Ф. Филиппова. М.: КАНОН - пресс - Ц, Кучково поле, 1999. С.157-195.
10. Аршинов В.И. Синергетика как феномен постнеклассической науки. М., 1999. 203 с.
11. Афанасьев Ю. Опасная Россия: Традиции самовластья сегодня. М.: РГГУ, 2001. 432 с.
12. Афанасьев Ю.Н. Традиции самовластья сегодня. М.: Российск. Гос. гуманит. Ун-т, 2001. 432 с. (Серия «История и память. Историческое знание».)
13. Ахиезер А.С. Диалог как основа современного философствования Социокультурное пространство диалога. М.: Наука, 1999.221с.

14. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. (Социокультурная динамика России). Т.2. Теория и методология: Словарь. Новосибирск, 1998. 594с.
15. Ахиезер А.С. Социокультурные механизмы циклов культуры//Искусство в ситуации смены циклов: Междисциплинарные аспекты исследования художественной культуры в переходных процессах. М.: Наука, 2002. С.116-135.
16. Ахиезер А.С., Давыдов А.П., Шуровский М.А., Яковенко И.Г., Яркова Е.Н. Социокультурные основания и смысл большевизма. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. 610с.
17. Ачкасов В.А., Елисеев С.М., Лаицов С.А. Легитимация власти в постсоциалистическом российском обществе. М.: Аспект Пресс, 1996. 125 с.
18. Балакришнан Г. Национальное воображение//Нации и национализм/Перевод с англ. и нем. М.: Праксис, 2002.С.264-282.
19. Бауман З. Индивидуализированное общество/Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2002. 390с.
20. Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия//Нации и национализм/Перевод с англ. и нем. М.: Праксис, 2002.С.52-120.
21. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну: Пер. с нем. М.: Прогресс- Традиция, 2000. 384с.
22. Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма - ответы на глобализацию: Пер. с нем. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 304 с.
23. Беляева Л. А. Социальная стратификация и средний класс в России: 10 лет постсоветского развития. М.: Academia, 2001. 185 с.

24. Бергер П., Лукман Н. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания/Пер. с англ. Руткевич Е. М.: Academia – Центр- Медиум, 1995. 323 с.
25. Бердяев Н. Судьба России. М.: Сов. писатель, 1990. 346с.
26. Берлин И. История свободы. Россия: Пер. с англ. М.: Новое лит обозрение, 2001. 544с.
27. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального// Пер. с фр. Екатеринбург: Урал. ун-та, 2000. 96с.
28. Бродель Ф. Политология: Пер. с фр. М., 1992. 86 с.
29. Бройи Дж. Подходы к исследованию национализма//Нации и национализм/Перевод с англ. и нем. М.: Праксис, 2002.С.201-235.
30. Брубейкер Р. Национальное государство и право на самоопределение: никакой связи?//Этнос и политика: Хрестоматия/Авт.-сост. А.А. Прусаускас. М.: УРАО, 2000. С.165-172.
31. Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. М.: Новое лит. Обозрение, 2001. 368 с.
32. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире: Пер. с англ. СПб.: Университетская книга , 2001. 416с.
33. Вебер А. Германия и кризис европейской культуры// Вебер А. Избранное: Кризис европейской культуры. СПб.: Университетская Книга, 1998.С.169-198.
34. Вебер А. Прощание с прежней историей// Вебер А. Избранное: Кризис европейской культуры. СПб.: Университетская Книга, 1998.С.375-538.

35. Вебер А. Третий или четвертый человек// Вебер А. Избранное: Кризис европейской культуры. СПб.: Университетская Книга, 1998.С.199-374.
36. Вердери К. Куда идут «нация» и «национализм»?//Нации и национализм/Перевод с англ. и нем. М.: Праксис, 2002.С.297-307.
37. Вишневыи А.Г. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998. 432с.
38. Ганнел Дж.Г. Политическая теория: эволюция отрасли//Вестн. Моск. ун-та. Сер.12. Соц.-полит. исслед. М., 1993. №1. С.66-83.
39. Геллнер Э. Нации и национализм// Этнос и политика: Хрестоматия/Авт.-сост. А.А. Прузаускас. М.: УРАО, 2000. С.75-77.
40. Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса//Нации и национализм/Перевод с англ. и нем. М.: Праксис, 2002.С.146-200.
41. Гиггс.Ф. Аспекты содержания этничности//Этнос и политика: Хрестоматия/Авт.-сост. А.А. Прузаускас. М.: УРАО, 2000. С.9-12.
42. Гидденс Э. Последствия модернити / Новая постиндустриальная волна на западе. Антология//Под редакцией В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С.101-122.
43. Гидденс Э. Социология: Пер. с англ. М.,1999. 704с.
44. Гор А. Земля на чаше весов. В поисках новой общей цели/Новая постиндустриальная волна на западе. Антология//Под редакцией В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С.557-571.
45. Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен: Монографич. сб. М.: ОГИ, 2001. 560 с.

46. Гэлбрайт Дж. К. Справедливое общество. Гуманистический взгляд/Новая постиндустриальная волна на западе. Антология//Под редакцией В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 223-244.
47. Давыдов Ю.Н. российская ситуация в свете веберовского различения двух типов капитализма// Россия: трансформирующееся общество/Под ред. В.А. Ядова. М.: Канон-пресс-Ц, 2001. С.64-76.
48. Даль Р. О демократии: Пер. с англ. М.: Аспект-Пресс, 2000. 203с.
49. Данилова Е.Н. Кто мы, россияне?// Россия: трансформирующееся общество/Под ред. В.А. Ядова. М.: Канон-пресс-Ц, 2001. С.592-608.
50. Дилигенский Г.Г. Люди среднего класса. М.: Инст. Фонда «Общественное мнение», 2002. 285с.
51. Дойч К. Рост наций//Этнос и политика: Хрестоматия/Авт.-сост. А.А. Прусаускас. М.: УРАО, 2000. С.62-74.
52. Дракер П. Посткапиталистическое общество/Новая постиндустриальная волна на западе. Антология//Под редакцией В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С.67-100.
53. Дробижева Л.М. Ценности и символы в контексте новых концепций этничности//Ценности и символы национального самосознания в условиях изменяющегося общества. М., 1994.
54. Дудченко О.Н., Мытиль А.В. Две модели адаптации к социальным изменениям// Россия: трансформирующееся общество/Под ред. В.А. Ядова. М.: Канон-пресс-Ц, 2001. С.609-620.
55. Зильберман Д.Б. Традиция как коммуникация: Трансляция ценностей, письменность//Вопр. философии. М., 1996. №4.С. 76-105.
56. Зиновьев А.А. Запад. М.: Центрполиграф, 2000. 509с.

57. Иглегард Р. Культурный сдвиг в зрелом индустриальном обществе/Новая постиндустриальная волна на западе. Антология//Под редакцией В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С.245-260.
58. Иглегард Р. Модернизация и постмодернизация/Новая постиндустриальная волна на западе. Антология//Под редакцией В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 261-291.
59. Иноземцев В.Л. За пределами экономического общества. М.:Academia-Наука, 1998. 640с.
60. Иноземцев В.Л. Расколота цивилизация. М.:Academia-Наука, 1999. 724с.
61. Кара-Мурза А.А. Между «Империей» и «Смутой». М.: ИФРАН, 1996. 173с.
62. Кастельс М. Могущество самобытности/Новая постиндустриальная волна на западе. Антология//Под редакцией В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С.292-308.
63. Кастельс М. Становление общества сетевых структур/Новая постиндустриальная волна на западе. Антология//Под редакцией В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С.492-505.
64. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2001. 308с.
65. Койвисто М. Русская идея/Пер. с фин. М.: «Весь Мир», 2002. 244с.
66. Кола Д. Политическая социология/Пер. с фр. А.Б. Гофмана. М.: «Весь мир», Инфра-М, 2001.406с.
67. Комарофф Дж. Национальность, этничность, современность: политика самосознания в конце XX века//Этничность и власть в полиэтничных государствах. М., 1996.

68. Кондаков И.В. О механизмах повторяемости в истории русской культуры//Искусство в ситуации смены циклов: Междисциплинарные аспекты исследования художественной культуры в переходных процессах. М.: Наука, 2002. С.269-283.
69. Коротеева В.В. Этнические символы и символическая природа этничности: концепции Дж. Армстронга, Э. Смита и Э. Хобсбаума//Ценности и символы национального самосознания в условиях изменяющегося общества. М., 1994.
70. Кульпин Э. С. Бифуркация: Запад-Восток. Москва, 1996.
71. Лапин Н.И. Модернизация базовых ценностей россиян//Социол. исслед. М., 1996. №5. С.3-24.
72. Лапин Н.И. Пути России: социокультурные трансформации. М.:ИФРАН, 2000. 194с.
73. Левашов В.К. Устойчивое развитие общества: парадигмы, модели, стратегия. М.: Academia, 2001. 175с.
74. Липсет С.М., Торрес Д.Ч. Сравнительный анализ социальных условий, необходимых для становления демократии//Междунар. журн. социал. наук. М., 1993. №3. С.5-33.
75. Лотман М.Ю. Интеллигенция и свобода (к анализу интеллигентского дискурса)//Россия/Russia/Под ред. Н.Г. Охотина. Вып. 2 [10]: Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: История и типология/Сост. Б.А. Успенский. М.: ОГИ, 1999. С.122-157.
76. Лотман Ю. М., Успенский, Б. А. «Изгой» и «изгойничество» как социально-психологическая позиция в русской культуре преимущественно допетровского периода («свое» и «чужое» в истории русской культуры)//Ученые записки Тартуского гос. университета,

1982. Вып. 576. (Труды по знаковым системам. 15: Типология культуры. Взаимное воздействие культур). С. 110-121.

77. Лукьянова Т.Н., Убиенных Т.Н., Эйдельман Я.Л. Экономическая реформа в России: культурные барьеры// Россия: трансформирующееся общество/Под ред. В.А. Ядова. М.: Канон-пресс-Ц, 2001. С.123-143.

78. Магун В.С. Структура и динамика трудовых ценностей российского населения// Россия: трансформирующееся общество/Под ред. В.А. Ядова. М.: Канон-пресс-Ц, 2001. С.430-448.

79. Мангейм К. Очерки социологии знания: Проблема поколений- состязательность- экономические амбиции/Пер. Додина Е.Я. М.: ИНИОН РАН, 2000. 164с.

80. Манн М. Нации – государства в Европе и на других континентах: разнообразие форм, развитие, угасание//Нации и национализм/Перевод с англ. и нем. М.: Праксис, 2002.С.381-410.

81. Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука (логико-методологический анализ). М., 1983.

82. Мертон Р.К. Явные и латентные функции// Американская социологическая мысль: Тексты./Под ред. В.И. Добренкова. М.: Междун. университет Бизнеса и Управления, 1996. С.393-461.

83. Мидоуз Дон., Мидоуз Ден., Рандерс Й. За пределами допустимого: глобальная катастрофа или стабильное будущее?/Новая постиндустриальная волна на западе. Антология//Под редакцией В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С.572-595.

84. Минаев С.В. Глобальная экономика: 2000 год: Аналит. Обзор/РАН ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. глобал. и регионал. пробл. Отд. Азии и Африки. М., 2001 г. 92 с.

85. Минюшев Ф.И. Социальная антропология. М, 1997.
86. Модернизационный вызов современности и российские альтернативы: Материалы «Круглого стола» в Междунар. общественном фонде социально-экономич. исследований (Горбачев фонде) 25 апреля 2001г.//Мир России. Социология, этнология. Т.Х. 2001. №4. С.3-22.
87. Модернизация в России и конфликт ценностей. М.: ИФРАН, 1993. 250с.
88. Московичи С. Машина, творящая богов// Пер. с фр. М.: Центр психологии и психотерапии, 1998. 560с.
89. Нации и национализм/ Андерсон Б., Бауэр О., Хрох М. и др.: Пер. с англ. и нем. М.: Праксис, 2002. 416с.
90. Нейрн Т. Интернационализм и второе пришествие//Нации и национализм/Перевод с англ. и нем. М.: Праксис, 2002.С.347-363.
91. Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Три модели развития России. М.: ИФРАН, 2000. 272с.
92. О свободе. Антология мировой либеральной мысли (I половина XX века). М.: Прогресс-Традиция, 2000. 696с.
93. Ооммен Т.К. Этния и национальность: как избежать путаницы//Этнос и политика: Хрестоматия/Авт.-сост. А.А. Прусаускас. М.: УРАО, 2000. С.24-26.
94. Орлова Э. А. Введение в социальную и культурную антропологию. Москва, 1994.
95. Орлова Э.А. Социокультурные предпосылки модернизации в России. Библиотека в эпоху перемен. Информ. сб. (Дайджест). Вып. 2(10). М.: Изд. РГБ, 2001. С.7-42.

96. Осипов Г.В. Социология и социальное мифотворчество. М.: НОРМА-ИНФРА М, 200. 656с.
97. Парсонс Т. Аналитический подход к теории социальной стратификации //О структуре социального действия. Изд. 2-е. М.: Академический проект, 2002.С. 354-380.
98. Парсонс Т. Понятие культуры и социальной системы//О социальных системах/Под ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. М.: Академический Проект, 2002.С.687-692.
99. Парсонс Т. Социальная система и культура//О социальных системах/Под ред В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. М.: Академический Проект, 2002.С.693-776.
100. Парсонс Т. Социальная система//О социальных системах/Под ред В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. М.: Академический Проект, 2002.С. 73-520.
101. Парсонс Т. Структура социального действия//О структуре социального действия. Изд. 2-е. М.: Академический проект, 2002.С.43-328.
102. Парсонс Т. Функциональная теория изменения//О структуре социального действия. Изд. 2-е. М.: Академический проект, 2002.С.699-721.
103. Плотинский Ю.М. Модели социальных процессов: Учебное пособие. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Логос, 2001. 296с.
104. Постзападная цивилизация. Либерализм: прошлое, настоящее/Под ред. С.Н. Юшенкова. М: Новый фактор, 2002. 440с.
105. Райх Р. Труд наций. Готовность к капитализму XXI века/Новая постиндустриальная волна на западе. Антология//Под редакцией В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С.506-527.

106. Реформаторские идеи в социальном развитии России. М.: ИФРАН, 1998. 255с.

107. Реформирование России: от мифов к реальности. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2000 году/Под ред. Г.В. Осипова, В.К. Левашова, В.В. Локосова. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2001. Т. 1. 440 с. Т. 2. 314 с.

108. Родшильд Дж. Этнополитика//Этнос и политика: Хрестоматия/Авт.-сост. А.А. Прусаускас. М.: УРАО, 2000. С.161-164.

109. Рубинштейн С.Л. Избранные философско-психологические труды: Основы онтологии, логики и психологии. М.,1997. 463с.

110. Смит Э.Д. Национализм и историки//Нации и национализм/Перевод с англ. и нем. М.: Праксис, 2002.С.236-263.

111. Смит Э.Д. Образование наций// Этнос и политика: Хрестоматия/Авт.-сост. А.А. Прусаускас. М.: УРАО, 2000. С.86-93.

112. Сорокин П. Социальная и культурная динамика: исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений/Пер. с англ. В.В. Сапова. СПб.: РХГИ,2000. 1056с.

113. Страда В. Интеллигенция как зеркало европейской революции: Пер. с ит.//Россия/Russia/Под ред. Н.Г. Охотина. Вып. 2[10]: Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: история и типология/Сост. Б.А. Успенский. М.: ОГИ, 1999. С. 28-51.

114. Терборн Г. Принадлежность к культуре, местоположение в структуре и человеческое действие: объяснение в социологии и социальной науке//Теория общества: Сборник/Пер. с нем., англ./Вступительная статья, сост. и общая ред. А.Ф. Филиппова. М.: КАНОН - пресс - Ц, Кучково поле, 1999. С. 73-102.

115. Тишков В.А. Забыть о нации (постнационалистическое понимание национализма)//Вопр. философии. 1998. №9.
116. Тоффлер Э. Третья волна. М.:АСТ,1999. 784с.
117. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии/Пер. Е.А. Самарской. М.: Научный мир, 1998. 204с.
118. Турен А. Спрособны ли мы жить вместе? Равные и различные самобытности/Новая постиндустриальная волна на западе. Антология//Под редакцией В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 465-491.
119. Туровский М.Б. Философские основания культурологии. М.,1997. 439с.
120. Туроу Л. Будущее капитализма. Как экономика сегодняшнего дня формирует мир завтрашний/Новая постиндустриальная волна на западе. Антология//Под редакцией В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 185-222./
121. Уолби С. Женщина и нация//Нации и национализм/Перевод с англ. и нем. М.: Праксис, 2002.С.308-331.
122. Успенский Б.А. Русская интеллигенция как специфический феномен русской культуры//Россия/Russia/Под ред. Н.Г. Охотина. Вып. 2[10]: Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: история и типология/Сост. Б.А. Успенский. М.: ОГИ, 1999. С.7-41.
123. Федотова В.Г. Модернизация «другой» Европы. М.: ИФРАН, 1997. 255с.
124. Филлипов А.Ф. Социология пространства как теоретическая альтернатива// Россия: трансформирующееся общество/Под ред. В.А. Ядова. М.: Канон-пресс-Ц, 2001. С.45-63.

125. Флиер А.Я. Культура как основа национальной идеологии России: Очерки. М.: МГУКИ, 2000. 162с.

126. Флиер А.Я. Культурология для культурологов: Учебное пособие для магистрантов и аспирантов, докторантов и соискателей, а также преподавателей культурологии. М.: Академический Проект, 2000. 496с.

127. Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и созидание благосостояния/Новая постиндустриальная волна на западе. Антология//Под редакцией В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С.123-162.

128. Фурс В.Н. «Критическая теория позднего модерна» Энтони Гидденса//Социологический журнал, 2001. №1. С.44-65.

129. Хабермас Ю. Европейское национальное государство: его достижения и пределы. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства//Нации и национализм/Перевод с англ. и нем. М.: Праксис, 2002.С.364-380.

130. Хаким Р. Этнос – народ – нация: движение к государственности // Этнос и политика: Хрестоматия/Авт.-сост. А.А. Прусаускас. М.: УРАО, 2000. С.177-178.

131. Хобсбаум Дж. Э. Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе//Нации и национализм/Перевод с англ. и нем. М.: Праксис, 2002.С.332-346.

132. Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе//Нации и национализм/Перевод с англ. и нем. М.: Праксис, 2002.С.121-146.

133. Хэнди Ч. Алчущий дух. За гранью капитализма поиск цели в современном мире/Новая постиндустриальная волна на западе. Антология//Под редакцией В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С.163-184.
134. Цапф В. Теория модернизации и различие путей общественного развития. М.: Социс, 1998. № 8. С. 14-26.
135. Чаадаев П.Я. Статьи и письма. М.: Современник, 1989. 623с.
136. Чаттерджи П. Воображаемые сообщества: кто их воображает?//Нации и национализм/Перевод с англ. и нем. М.: Праксис, 2002.С.283-296.
137. Чеснов Я.В. Лекции по исторической этнологии. М., 1998.
138. Шадсон М. Культура и интеграция национальных обществ//Этнос и политика: Хрестоматия/Авт.-сост. А.А. Прусаускас. М.: УРАО, 2000. С.94-97.
139. Шматко Н.А. Практические и конструируемые социальные группы: деятельностно-активистский подход// Россия: трансформирующееся общество/Под ред. В.А. Ядова. М.: Канон-пресс-Ц, 2001. С.104-122.
140. Шмидт С.О. У истоков российского абсолютизма: Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М.: Прогресс – «Культура», 1996.496с.
141. Шрейдер Ю.А. Ценности, которые мы выбираем: Смысл и предпосылки ценностного выбора. М., 1999. 206с.
142. Штомпка П. Социология социальных изменений/ Пер. с англ. под ред. В.А. Ядова. М.: Аспект Пресс,1996. 416с.
143. Щедровицкий Г.П. Философия. Наука. Методология. М., 1997. 641с.

144. Щукин В. Г. Культурный мир русского западника//Вопросы философии. 1992. № 5. С. 74-86.
145. Эберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С. Национализм//Этнос и политика: Хрестоматия/Авт.-сост. А.А. Прусаускас. М.: УРАО, 2000. С.104-107.
146. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций/Пер. с англ. А.В. Гордона под ред. Б.С. Ерасова. М.: Аспект Пресс, 1999. 416с.
147. Ядов В.А. А все же умом Россию понять можно// Россия: трансформирующееся общество/Под ред. В.А. Ядова. М.: Канон-пресс-Ц, 2001. С.9-20.
148. Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности//Мир России. 1995. № 3-4. С. 158-182.
149. Яковенко И.Г. Государство: дополнительность социокультурного анализа//Россия: трансформирующееся общество/Под ред. В.А. Ядова. М.: Канон-пресс-Ц, 2001. С.167-179.
150. Яковенко И.Г. От империи к национальному государству (попытка концептуализации процесса)//Этнос и политика: Хрестоматия/Авт.-сост. А.А. Прусаускас. М.: УРАО, 2000. С.149-150.
151. Яковенко И.Г. Переходные эпохи и эсхатологические аспекты традиционной ментальности//Искусство в ситуации смены циклов: Междисциплинарные аспекты исследования художественной культуры в переходных процессах. М.: Наука, 2002. С.136-147.
152. Янг К. Типология культурных основ государств//Этнос и политика: Хрестоматия/Авт.-сост. А.А. Прусаускас. М.: УРАО, 2000. С.157-160.

153. Яницкий О.Н. Россия как «общество риска»: контуры теории// Россия: трансформирующееся общество/Под ред. В.А. Ядова. М.: Канон-пресс-Ц, 2001. С.21-44.
154. Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London: Verso Editions, 1983.
155. Beck U. Risk Society. Towards a New Modernity. London: Sage, 1992. 258p.
156. Beck U., Giddens A., Lash S. Reflexive Modernization: Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order. Cambridge: Polity, 1994. 304p.
157. Benedict R. Patterns of Culture. Boston and New York, 1934. P.36-37.
158. Dore R. Unity and Diversity in Contemporary World Culture //The Expansion of International Society. Edited by Hedley Bull and Adam Watson. Oxford, Clarendon Press. 1985.
159. Giddens A. The consequences of modernity. Cambridge. Polity Press, 1990

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
ГЛАВА 1. ОТ ЭТНОСА К НАЦИИ	6
ГЛАВА 2. ПРОЦЕССЫ МОДЕРНИЗАЦИИ В РОССИИ	56
ГЛАВА 3. СРЕДНИЙ КЛАСС КАК ПОТЕНЦИАЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ	88
ГЛАВА 4. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ПРОДОЛЖЕНИЕ МОДЕРНИЗАЦИОННОГО ПРОЕКТА	101
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	115
ЛИТЕРАТУРА	120
ОГЛАВЛЕНИЕ	137

TABLE

Introduction	2
CHAPTER 1. FROM ETNOSA TO NATION	6
CHAPTER 2. PROCESSES OF MODERNIZATION ARE IN RUSSIA	56
CHAPTER 3. MIDDLE CLASS AS POTENTIAL SUBJECT OF RUSSIAN MODERNIZATION	88
CHAPTER 4. GLOBALIZATION AS CONTINUATION OF MODERNIZATION PROJECT	101
CONCLUSION	115
LITERATURE	137

Сергей Назипович Гавров

Социокультурная традиция и модернизация российского
общества

Монография

Редактор Е.Г. Николаева

Подписано в печать 23.09.2002 г. Формат 60x84 1/16.

Усл. п.л.9,1. Уч. изд. л. 9,1. Тираж 500 экз.

Заказ № 477 Цена договорная. Ротапринт МГУКИ.

—
Адрес Московского государственного университета культуры и искусств и
участка оперативной полиграфии:

Россия, 141406, Москва, Химки-6, ул. Библиотечная, 7

Russia, 141406, Moscow, Khimki-6, Bibliotechnaya st., 7

Телефон 570 31 33, факс 570 04 44